



ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ



УБИЙСТВА  
В ПОМЕСТЬЕ ЛОНГЕР

КОГДА Я В ПОСЛЕДНИЙ  
РАЗ УМИРАЛА

Золотой век английского детектива

Глэдис Митчелл

**Убийства в поместье Лонгер.  
Когда я в последний раз умирала**

«Издательство АСТ»

1930, 1941

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

## **Митчелл Г.**

Убийства в поместье Лонгер. Когда я в последний раз умирала / Г. Митчелл — «Издательство АСТ», 1930, 1941 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-135369-8

Два увлекательных расследования миссис Брэдли – психоаналитика и гениального детектива-любителя! Эксцентричная старая миллионерша изобрела весьма оригинальный способ выбрать наследника, достойного завладеть ее состоянием. Им станет... победитель в семейных спортивных играх, тщательно копирующих программу древнегреческих Олимпиад. Однако турнир срывается с треском, когда на тренировочной площадке обнаруживается тело местного фермера-арендатора Лонгера, погибшего явно насильственным образом. Имеет ли это дикое убийство отношение к состязаниям? Связан ли с ним кто-то из стайки молодых горе-олимпиоников – племянников старушки? Миссис Брэдли задает вопросы... Миссис Брэдли расследует давно забытое дело покойной Беллы Фоксли, в свое время обвиненной в убийствах своих родственников, но оправданной судом. Что же на самом деле случилось с богатой тетушкой Беллы и ее кузеном – эксцентричным исследователем паранормальных явлений? Имеет ли отношение к этим смертям таинственное исчезновение из местной колонии для малолетних двух мальчишек, которых впоследствии так и не нашли – ни живыми, ни мертвыми? Единственная зацепка миссис Брэдли – дневник Беллы. Но можно ли ему доверять?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-135369-8

© Митчелл Г., 1930, 1941

© Издательство АСТ, 1930, 1941

## Содержание

Убийство в поместье Лонгер	7
Глава 1. Сложности с богатыми родственниками	8
Глава 2. Семейный совет	15
Глава 3. Кролик и метательное копьё	21
Глава 4. Ночь пятницы и утро субботы	28
Глава 5. Неожиданное завершение бесславной карьеры	33
Глава 6. Тетушка Паддикет счастлива	38
Глава 7. Инспектор Блоксхэм раздосадован	45
Глава 8. Раздражение леди, достигшей возраста, когда она знает все лучше других	53
Глава 9. Тренер Кост и мисс Кэддик	61
Глава 10. Ночное происшествие	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

**Глэдис Митчелл**  
**Убийства в поместье Лонгер.**  
**Когда я в последний раз умирала**

Gladys Mitchell

THE LONGER BODIES WHEN LAST I DIED

© Gladys Mitchell, 1930, 1941

© Перевод. Д.Л. Казаков, 2021

© Перевод. Н. С. Ломанова, 2021

© Перевод. Н. И. Сидемон-Эристава, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

## Убийство в поместье Лонгер

### ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Матильда Паддикет, очень богатая неуживчивая пожилая дама. Решила, что ее внучатые племянники должны участвовать в легкоатлетических соревнованиях, чтобы получить наследство.

Годфри Йеомонд, ее племянник, женившийся по любви, а не ради денег.

Мальпас Йеомонд, Фрэнсис Йеомонд, Присцилла Йеомонд и Гилари Йеомонд, четверо детей Годфри. Гилари (19 лет) – самый младший.

Мисс Мира Кэддик, затюканная компаньонка миссис Паддикет, но с хорошим жалованьем. Бледная, угловатая женщина с романтическими мечтаниями и различными финансовыми ожиданиями.

Клайв Браун-Дженкинс, сын Мэри, сестры Годфри, который, как и кузены, будет претендовать на деньги миссис Паддикет.

Селия Браун-Дженкинс, сестра Клайва. Как и Присцилла, тоже участвует в «забеге».

Ричард Кауз, другой кузен, также претендующий на наследство.

Амарис Кауз, его сестра, студентка из Челси, изучающая искусство. Считает себя богемой.

Тимон Энтони, приемный внук миссис Паддикет от ее последнего брака. Поскольку он выразил желание стать актером, то его вычеркнули из списка наследников.

Джозеф Херринг, известен также как Проныра, весьма нелюбезный слуга миссис Паддикет.

Людвиг Кост, тренер; блондин, крепкий, привлекательный молодой мужчина, которого наняли, чтобы тренировать внучатых племянников в различных видах легкой атлетики.

Джекоб Хобсон, неотесанный, грубый местный житель, который закончил не очень хорошо.

Джени Хобсон, его жена; она не сильно плакала по мужу.

Инспектор Блоксэм, озадачен при каждом новом повороте расследования.

Миссис Беатрис Лестрэйндж Брэдли, известная дама-психоаналитик; случайно оказалась на месте преступления и помогла инспектору Блоксэму.

Диготы, хозяйка миссис Брэдли. Дочь Маргарет – по-друга Присциллы Йеомонд. Сын Рекс – помогал миссис Брэдли во время расследования.

Миссис Макбрай, кухарка в доме миссис Паддикет, столь же властная, как и ее хозяйка.

Сэр Бертрам Пэлли, главный констебль.

А также слуги, полицейские и местные жители.

## Глава 1. Сложности с богатыми родственниками

Тетушка Паддикет была очень богатой дамой. В семье также традиционно полагали, что она плохой человек.

«Единственная вещь, с которой она расстается без сожаления, – сказал ее племянник Годфри в день своей свадьбы, – это непрошенный совет».

В этот момент он рассматривал свадебный подарок от тетушки – серебряный чайник и кувшинчик для сливок, – причем с откровенным отвращением. Совет, о котором шла речь, был дан по важному поводу и сводился к настоятельной рекомендации жениться «на деньгах», оставив предполагаемую невесту, кроткую и мягкую Элизабет Талли, дочь сельского священника, работавшую воспитательницей. Годфри отреагировал на подобный совет быстро, резко и предсказуемо, после чего три года тетушка и племянник не виделись и не переписывались.

«И теперь, – заметил Годфри в адрес скромной Элизабет через три дня после рождения первого ребенка, – только от нас зависит, как пойдут дела. У старой леди не должно быть оснований для злорадства по поводу того, что мой сын вырос бедным человеком. Она пишет, что отправляет ему в подарок крестильный коврик».

Нет ничего более благотворного для успеха, чем четкая, грамотно поставленная цель. К моменту, когда четвертый ребенок, тоже мальчик, дорос до того, чтобы посещать школу, Годфри Йеомонд был состоятельным человеком.

Тетушке Паддикет понадобилось тридцать два года для того, чтобы забыть причины ссоры с племянником. Когда эта эпоха завершилась, она призвала секретаршу-компаньонку, угловатую, романтически настроенную незамужнюю женщину, прошедшую двенадцать полных самоотречения лет на службе у старой леди, и заявила:

– Мисс Кэддик, я старею.

– Неужели, миссис Паддикет? – с надеждой воскликнула та.

Днем ранее она прочитала в газете о домохозяйке-компаньонке, жившей при старой даме, которой после смерти работодателя оставили целое состояние в пятнадцать тысяч фунтов. И мисс Кэддик, обладавшая математическим складом ума, изложила на обратной стороне листа из дневника свои собственные надежды и ожидания в форме следующей пропорции:

«Домохозяйка-компаньонка получает 15 тысяч фунтов от стоимости движимого имущества в 161 512 фунтов после десяти лет непрерывной службы. Секретарша-компаньонка получает X фунтов от стоимости движимого имущества в Y фунтов после двенадцати лет (минус три дня на похороны кухни Эгги) непрерывной службы, с учетом общего состояния ее нанятого в 500 тысяч фунтов.

NB. Или это состояние может быть немного больше».

Мисс Кэддик работала над задачей, используя различные приблизительные значения Y, и в итоге остановилась на средней величине. Сумма в двадцать пять тысяч фунтов, возникшая из этой сложной математики, испугала ее, и она зачеркнула все, спрятав дневник.

– Просто... на всякий случай... – пробормотала она, думая о чужих глазах, которые могли бы увидеть ошеломляющую цифру.

Подобно убийце, прячущему труп в шкафу с одеждой, мисс Кэддик знала, где лежит плод ее преступления. Двадцать пять тысяч фунтов! Двадцать пять тысяч!

Старая миссис Паддикет относилась к компаньонке-секретарше с подозрением. Она была очень старой дамой, нос ее напоминал клюв попугая, голос звучал пронзительно, а характеру позавидовал бы римский император.

– Что ты имеешь в виду, соглашаясь со мной таким тоном? – пропищала она. – Почему это я поссорила с Годфри?

Немедленно осознав, что если какой-либо выгодоприобретатель и имеется в уме ее нанятельницы, то это один из родственников, чьи имена так редко упоминались в доме, мисс Кэддик оставила свои мечтания о двадцати пяти тысячах фунтов. Она закатила блеклые глаза, сморщила остроконечный нос и нацепила на лицо выражение ментальной агонии. По опыту мисс Кэддик знала, что ей не платят за то, чтобы помнить о вещах, которые забыла миссис Паддикет. Поэтому после периода сокращения лицевых мышц, который продлился пятнадцать секунд, она потрясла головой, увенчанной опрятной прической, поджала тонкие губы, нахмурилась, пытаясь добиться максимальной концентрации мысли, и снова потрясла головой.

– Ну уж извините, миссис Паддикет... – начала она.

– Ты дура, Кэддик, – ядовито пропищала миссис Паддикет. – Распорядись насчет кресла на колесиках и пошли за кухаркой.

Кухарка происходила из Шотландии. Она не боялась хозяйки, была сильной и опытной, а также часто повторяла присказку, которую извлекала, видимо, со дна собственного желудка по всякому поводу. Присказка звучала так: «Да чтоб мне лучше утонуть!» Фраза произносилась с сильным шотландским акцентом, калечившим добрые английские слова.

Кухарка, призванная мисс Кэддик из недр дома, во- рвалась в комнату старой миссис Паддикет. Она мрачно посмотрела на хозяйку и молча стала слушать, как старая леди излагает пожелания по поводу меню на день. А потом заговорила:

– Это вы что, хотите рубленое мясо с овощами к ленчу? Да чтоб мне лучше утонуть!

– Но почему бы нам не получить рубленое мясо с овощами к ленчу? – вскричала старая миссис Паддикет, имевшая десятилетний опыт ежедневных сражений с этим серьезным неприятелем.

– А откуда мы возьмем это блюдо? Вспомните, несчастная женщина, что у нас осталось не более четверти фунта говядины после того, как мистер Тимон покормил своих зверьков сегодня утром!

– О, – пискнула тетушка Паддикет. – Вот он как? Ну предложи что-нибудь сама! Только не будь душой!

– Ого, ага! Это что, я должна делать работу за вас? Да чтоб мне лучше утонуть! Я буду готовить хорошее мясо, но не стану думать о том, что готовить! Вы это делаете! Вовсе не я хозяйка в этом доме!

– Точно к часу дня ты отправишь хорошо приготовленный, тщательно сервированный ленч в столовую, и не мели чепухи! – заявила тетушка Паддикет. – И меня не волнует, лучше тебе утонуть или нет!

Кухарка ушла, и миссис Паддикет снова обратила внимание на мисс Кэддик. Словесная битва привела старую леди в хорошее настроение, та понизила скрипучий голос и заговорила почти доброжелательно:

– Ты найдешь адрес Годфри Йеомонда в моем бюро. Напиши ему, что я собираюсь посетить его в четверг. Хочу посмотреть на его детей.

Годфри Йеомонд захохотал, прочитав письмо.

– Она хочет увидеть детей до того, как умрет, – произнесла его жена. – Бедняжка. Мне кажется, она очень одинока и несчастна там, в деревне. Ответь ей быстрее, дорогой, и скажи, как сильно мы хотим ее видеть.

– Я лучше намекну парням, чтобы они вели себя с ней прилично, – буркнул Годфри, чьи мысли потекли совсем в ином направлении. – Тетушка должна оставить свои деньги кому-то, а она никогда не любила кошек. – Он помолчал, а потом добавил: – Я не вижу, с чего бы она должна очароваться нашими парнями или Присциллой. Ясно, что они отличные детишки. Но есть Браун-Дженкинсы и Каузы, и все это кроме людей из семьи Энтони, за которого она

вышла замуж. Я скажу парням, чтобы вели себя тактичнее, пока тетушка будет тут. Им придется изрядно потрудиться, если она осталась той же злобной мегерой, какой была всегда.

Дела Годфри Йеомонда находились в хорошем состоянии, однако его порой мучили угрызения совести по поводу того, что из-за запальчивых слов, произнесенных тридцать лет назад, шансы его детей на наследство тетушки Паддикет выглядят столь хилыми. Поэтому он потратил время на подготовку инструкций к визиту пожилой родственницы, чтобы снабдить ими членов семьи. Годфри решил, что стратегия сентиментальной мольбы лучше всего подойдет к их возрасту и складу ума.

Во время ужина в среду вечером, как раз накануне прибытия тетушки Паддикет, он разразился отрепетированной речью.

– Главный начальник сегодня был в форме, – позднее заметил Фрэнсис Йеомонд брату Мальпасу.

– Да, невероятно хорош, – отозвался тот, критически разглядывая сигару в руке. – Полагаю, он добыл это по оптовой цене? – Мальпас осторожно зажег сигару.

– Я бы хотела знать, сколько времени она проведет у нас, – произнесла Присцилла Йеомонд. – Придется ли нам толкать ее кресло на колесиках?

– Главный начальник говорит, что она может обходиться без него, – ответил Гилари, самый младший.

– Придется как-то устроить и смыться отсюда, если все окажется очень плохо, – проговорил Мальпас. – Старая леди та еще кошечка.

– Я везу десять мальчишек в Швейцарию, слава богу, – сообщил Фрэнсис, второй из сыновей.

– А мне придется написать старине Шусмиту и напроситься к нему в гости, если я не выдержу здесь. – Гилари вздохнул.

– Вы эгоистичные типы! – горячо воскликнула Присцилла. – Бедная старая леди!

– Бедная старая ты, вот что ты имеешь в виду, – заявил Гилари с братской прямоотой. – Тебе придется нянчиться с этим ребеночком, если мы все сумеем улизнуть. Веселее, уточка, ведь Фрэнсис будет посылать тебе открытки с красивыми видами... Правда, брат?

– Понимаете, – Присцилла смотрела прямо, не отводя взгляда, – если вы слиняете, я сообщу ей почему. А вы знаете, что именно о ее деньгах думает главный начальник. Вот!

– Но, моя дорогая девочка... – произнесли в унисон три мужских голоса.

Однако тетушка Паддикет оказалась менее серьезным испытанием, чем они ожидали. Прежде всего, как выразился девятнадцатилетний Гилари, она «в полном порядке», когда вы выводите ее на прогулку. У нее ужасный голос, с чем они все согласились, но, к счастью, она решила, что воздух Лондона вреден для ее горла. Предупрежденные родителями Йеомонды перемещались по городу без особой спешки. Они ухитрились даже перетерпеть концерт классической музыки, не выражая протестов; сопровождали миссис Паддикет в два или три театра, где давали пьесы, подходящие для ее возраста и опыта; и во вторую субботу визита гости поехали с ней на стадион Уайт-Сити, чтобы посмотреть международную легкоатлетическую встречу между Швецией и Англией. Тетушка Паддикет увидела рекламу матча на железнодорожной станции, спросила, что это, а затем потребовала, чтобы ей показали.

– Мисс Кэддик не захочет пойти, – добавила она.

Неожиданно освобожденная от обязанностей Мира Кэддик в тот самый день, с бьющимся сердцем и в тайном экстазе, ускользнула из высокого дома в георгианском стиле к ближайшей остановке автобуса. Вооруженная очками и пакетиком сладостей, она отправилась в неведомое. Ее ждал первый в жизни фильм с настоящим звуковым сопровождением. Поэтому блеклые глаза Миры Кэддик сияли новым, невиданным ранее светом, а пакет сладостей она сжимала в руке крепче обычного.

– Но почему они не могут? – удивилась старая миссис Паддикет.

Ее внучатый племянник Гилари окинул взглядом стадион Уайт-Сити, который был хорошо виден с переднего ряда центральной трибуны. Проиграв все, что только можно, Соединенным Штатам в июне, английские легкоатлеты твердо намеревались проиграть все шведским коллегам в августе. Амстердам видел ту же самую историю, Южная Африка могла бы засвидетельствовать ее истинность. Англия – указать на своих барьеристов, на спринтеров, ее бегуны на длинные дистанции вызывали нечто вроде гордости, но что касалось прыжков и метания – ядра ли, диска ли, копья ли, – о, где же была она?

– Сплошные трупы. – Мужчина в военной форме, сидевший слева, с готовностью выдал бестактный ответ.

Гилари Йеомонд вздохнул:

– Это все частные школы.

– Но я думала, что частные школы... – Тон тетушки Паддикет был весьма нелюбезным – она слышала много хорошего о частных средних школах.

– Вот чушь! – сердито воскликнул Фрэнсис Йеомонд, с помощью бинокля наблюдавший за сверхчеловеческими стараниями желтоволосого юнца двадцати лет побить рекорд в прыжках с шестом. – Школы просто не могут тренировать детей прыгать с шестом или толкать ядро.

Будучи младшим преподавателем языков в одной из школ, о которых шла речь, а также участником соревнований в беге на сто ярдов от своего колледжа в университете, он говорил, как человек, обладающий авторитетом.

– Конечно, ты можешь тренировать их. – Мальпас Йеомонд откинулся назад и равнодушно захлопал в ладоши, поскольку желтоволосый швед под громогласные аплодисменты чисто прошел над планкой и изящно упал на маты с другой ее стороны. – Все дело в стиле, – продолжил он, обращаясь к старой леди. – Стиль и постоянная практика. Ты не должен позволять мальчишкам пробовать большую высоту, когда они только осваивают прыжки с шестом, и не должен давать им ядро в двенадцать фунтов до тех пор, пока они в достаточной степени не разовьются телесно. Но ты можешь привить им корректный стиль и заставить их регулярно практиковаться.

– Чушь, – усмехнулся Фрэнсис.

Мальпас пожал плечами, взглянул в программку соревнований и принялся лихорадочно делать в ней иероглифические отметки, поскольку в мегафон объявили порядок последнего этапа забегов.

– Здесь должно быть все в порядке, – уверенно сообщил он. – Мы представлены лучше, чем шведы. Их амстердамский победитель не приехал, и тот парень, который всегда появляется в очках с роговой оправой... как же его имя?.. я видел его в Париже в прошлом году...

– Ничего себе! Тот приятель с лопаткой копается в земле, словно хочет дорыться до Австралии! – воскликнул какой-то мальчишка, и следом раздался, похоже, голос его отца, грубоватый, но добродушный:

– Эй, парень, хватит! Ты уже не в армии!

Взрыв смеха стал реакцией на это замечание. Юный швед закончил выкапывать ямки на стартовой позиции, взглянул вверх и радостно помахал лопаткой в сторону улыбающихся зрителей. Было не ясно, услышал ли он слова и понял ли их, но в искреннем дружеском отношении трибун он мог не сомневаться.

– На старт! – объявил судья-стартер, облаченный в красное, после чего вознес к небу пистолет.

– Внимание! – Два бегуна подняли заднюю часть тела и одновременно наклонились вперед так, чтобы большая часть их веса приходилась на выставленную вперед ногу и на руки. Оба неотрывно смотрели на беговую дорожку перед собой.

Пистолет выстрелил, и они побежали.

– Вот так, вы видите, тетушка. – Мальпас Йеомонд повернулся к старой леди, когда первый бегун грудью разорвал тонкую ленточку на финише. – Англия побеждает. Мы можем бегать вполне неплохо, но, увы, встречу проиграли. Смотрите, тетушка. Шведы взяли ядро, диск, оба вида прыжков. Сегодня на поле у нас нет человека, который сумеет добраться до двадцати четырех футов в прыжках в длину. Лишних два дюйма могли бы дать нам прыжки в высоту, но мы не в силах добыть эти дюймы. Потом прыжки с шестом – просто подарок для них. И мы проиграли первую спринтерскую эстафету из-за того, что плохо передавали палочку. В ходьбе мы хороши. Однако на стадионе они делают нас, и они будут всегда делать нас до тех пор, пока не изменится система тренировки мальчишек на самых ранних стадиях. До тех пор пока двадцать один фут в длину, шесть футов в высоту, сорок футов ядром и одиннадцать футов шесть дюймов с шестом будут считаться чемпионскими показателями в Англии, наше дело безнадежно. Кстати, нам бы лучше начать двигаться. А то мы загораживаем проход, оставаясь здесь.

Дорога домой была короткой, и тетушка Паддикет говорила мало. Она сидела в салоне большого автомобиля, все ее внимание занимали программа соревнований и золотая ручка Мальпаса. Братья обсуждали события встречи. Обед последовал почти незамедлительно после того, как они вернулись, и, к всеобщему удивлению, – поскольку она имела привычку уходить отдыхать около девяти часов после легкой закуски, – старая леди, сверкающая бриллиантами, оказалась в своем кресле у обеденного стола. В левой руке ее была зажата программка, которую тетушка Паддикет приобрела на стадионе. Она положила программку рядом с тарелкой и не сказала ни слова во время трапезы, разве что ядовито запищала на дворецкого Тимкинса, когда он предложил ей вина.

Когда обед подошел к концу, тетушка Паддикет отложила яблоко, которое она начала чистить, и со значением осмотрела присутствующих.

– Как ты сказал, племянник, они называют ту тарелку, что швыряют по полю? – спросила она, глядя на Гилари.

– Диск, тетушка, – ответил он со скоростью, делавшей честь его разумности. – Только Англия не...

– Ты знаешь, как бросать эту штуку?

– Ну, я видел, как это делают, само собой, и мне известна теория броска, но сам никогда не держал диск в руках.

– Ты можешь научиться это делать. – Миссис Паддикет кивнула седой головой, явно недовольная голосом младшего племянника, в котором не хватало решительности. – А как насчет тебя, племянник? – продолжила она, обращая желтоватые глаза на Мальпаса Йеомонда.

– В прыжках в высоту, – произнесла Присцилла с противоположного конца стола, – он постоянно побеждал, когда учился в школе. И он до сих пор хорош.

– Что за ерунда, Присцилла! – Мальпас усмехнулся. – Ты думаешь о парне, которого звали... э... его звали Смаггинс.

– Она думает о парне, которого звали Йеомонд! – яростно воскликнула старая миссис Паддикет.

– Отвечаю от имени Мальпаса, – торжественно проговорил Фрэнсис. – Он лжец, тетя. Не обращайтесь на него внимания. Я видел, как он победил в двадцатом году. Сделал три десятка с половиной в школе Тенби-Хаус, и кастелянша наблюдала за тем, чтобы игра была честной. Я всегда клялся, что она сдвинула планку на два дюйма вниз для него, но это ни нашим, ни вашим. Он победил. И ты знаешь, что победил, – закончил он, энергично пиная старшего брата под столом.

– И он сделал три фута... почти четыре фута, – промолвила тетушка Паддикет задумчиво, и ее глаза вспыхнули. – Очень многообещающе. И на Уайт-Сити в следующем году он сделает почти восемь футов или, может, немного больше.

– Что? – озадаченно произнес Годфри Йеомонд. – Но, дорогая тетушка, мировой рекорд в прыжках в высоту...

– Шесть восемь с половиной, отец, – торопливо встрял Гилари. – Х. М. Осборн из Соединенных Штатов держит рекорд, и он был установлен в городе Урбана в мае 1924 года. Извините, тетя. По-моему, это напечатано тут. – Он пролистал программку тетушки до конца. – Ага, вот оно!

– Итак, – возгласила старая леди, – думаю, это очень плохой рекорд!

Ее племянник и его сыновья замерли с приоткрытыми ртами.

– Богохульство, – пробормотал Фрэнсис себе под нос, снова пиная Мальпаса под столом.

– Вы хотите сказать мне, – продолжила тетушка Паддикет хриплым, пронзительным тоном, – что взрослый мужчина не может прыгнуть в два раза выше, чем десятилетний мальчишка-школьник? Ерунда, племянники! Я не знаю, куда катится мир в наши дни!

Мальпас принял вызов.

– Тетя, все не сводится к тому, чтобы прыгнуть в два раза выше. Вы...

– Возьмем силу гравитации, например, – вступил Фрэнсис, пытавшийся скрыть свое веселье и внести вклад в обеление великих имен мировых чемпионов, только что до последней степени униженных.

– И закон как-бы-вы-его-ни-назвали, – услужливо добавил Гилари.

– И биномиальную теорему радиоэлектричества, – вступила Присцилла, не отрывавшая взгляда от скатерти.

– Вы все могли бы помолчать, – сказала тетушка Паддикет с внезапной решительностью, – и послушать меня. Я возвращаюсь домой в конце этой недели. После того как прибуду в Лонгер, я вызову Кеслэйка, чтобы он оформил мое завещание.

Она обвела столовую глазами, чтобы проверить, какой эффект оказали ее слова. Присутствующие взирали на тетушку, и, глядя на выражения их лиц, Присцилла с трудом подавила желание хихикнуть.

– Чтобы оформить мое завещание, – повторила миссис Паддикет, по очереди рассматривая каждого члена семьи. – Большую часть недвижимости и почти все личное состояние я намереваюсь оставить одному из своих внучатых племянников.

– И кому же? – спросил Фрэнсис, который был не в состоянии придумать что-то более уместное, но чувствовал – для поддержания драматического напряжения нужна реплика от кого-то еще, кроме тетушки Паддикет.

Старая леди зловеще взглянула на него.

– Тому, кого первым выберут защищать честь Англии в этих видах спорта, о которых вы так много говорили, – заявила она. – Я должна упомянуть, что три девушки...

– Три? – уточнил Гилари.

– Определенно. Твоя сестра Присцилла, Селия Браун-Дженкинс и Амарис Кауз.

– А, Селия и Амарис, – кивнул Мальпас. – Я смутно припоминаю их. Селия была прекрасным ребенком, а Амарис – чем-то весьма странным в очках и кудряшках.

– Может, мне все же позволят продолжить и не будут постоянно перебивать? Три девушки получают по сто фунтов каждая вне зависимости от их достижений. – Миссис Паддикет презрительно взглянула на довольно красивое, хотя и увядшее лицо Элизабет Йеомонд, браку которой с Годфри она так яростно противостояла, и ее позиция, выраженная очень ядовито, вызвала незабываемую реакцию со стороны жениха. – И их манер, – заявила она и посмотрела на Присциллу, которая отвернулась и уже не сдерживала смеха, – или их поведения.

Все присутствующие знали, что упоминание поведения было сделано из-за Амарис Кауз, которая в возрасте двадцати одного года сбежала из городка Уэлин-Гарден, приятного, тихого и спокойного, в отвратительный лондонский Блумсбери. Там, вызывая опровергая предсказания семейных пророков, к числу которых относилась и сама тетушка Паддикет, Амарис

продолжала наслаждаться жизнью среди художников всецело развязным – по мнению ее ближайших и (предположительно) самых дорогих людей, – раздражающим и успешным образом.

– Сто фунтов? – спросила Присцилла, могучим напряжением воли справившаяся с игривым настроением. – Вы очень добры, тетушка. Я бы купила...

– Новые вечерние платья и the dansant<sup>1</sup>, – произнес ее нераскаявшийся брат Гилари, пряча улыбку за ладонью. – Веселее, сестра, – добавил он шепотом. – Злобная старая кошка.

Тетушка Паддикет взглянула на него с раздражением – порой ее слух был необычайно острым.

– Конечно, если ты вдруг станешь наследником моего состояния, племянник, – заметила она тоном, который намекал, что подобное событие воспринимается как маловероятное, – то ты будешь иметь полную свободу передать что угодно из имущества сестре. Я далека от того, чтобы комментировать твою предполагаемую щедрость.

Подталкиваемое невозмутимым Годфри Йеомондом кресло с богатой родственницей покинуло столовую. Миссис Йеомонд, улыбаясь обычной, никогда не меняющейся вялой улыбкой, двинулась следом. Остальные члены семьи остались сидеть с отвисшими челюстями.

Слово взял Мальпас.

– Будь я проклят! – воскликнул он, и другие мрачно кивнули.

– Старческое слабоумие, – вздохнул Фрэнсис, качая головой. – Бедная старая дама.

– Разумеется, она не могла говорить всерьез, – буркнул Гилари. – Международные соревнования! Боже!

Присцилла снова начала смеяться.

– Ну и кто будет отдуваться теперь? – спросила она, проявляя сестринское благородство.

---

<sup>1</sup> Дансанти – танцы, танцевальный вечер. – Прим. ред.

## Глава 2. Семейный совет

Мальпас Йеомонд перечитал письмо тетушки Паддикет в четвертый раз.

– Она определенно проработала все очень тщательно, – сказал он. – Мне прыжок в высоту, Фрэнку – в длину, Гилари – диск, ее приемному внуку – копье, Браун-Дженкинсу прыжок с шестом, а Каузу – ядро.

– И что мы будем делать? – спросил Гилари.

– Мы вполне можем отправиться туда, как она предлагает, и посмотреть, в чем смысл, – произнес Фрэнсис. – Я полагаю, что Браун-Дженкинсы и Каузы тоже приедут.

– Не представляю, что заставило Мэри выйти замуж за типа с фамилией Браун-Дженкинс, – усмехнулся Годфри Йеомонд.

Семейство сидело за обеденным столом в первый вторник апреля.

– Почему бы ему не быть мужчиной, оставить себе Дженкинса, а Брауна отложить? – продолжил он, с хмурым выражением лица разглядывая содержимое своего винного бокала.

Кроткая миссис Йеомонд, единственный человек за столом, обращавший внимание на реплики своего мужа, покачала головой.

– Или он, конечно, мог отложить Дженкинса и остановиться на Брауне, дорогой, – заметила она.

– Я бы хотел, чтобы ты, отец, написал и тем и другим и выяснил, что они собираются делать, – сказал Фрэнсис. – Мы не намерены тащиться в Гемпшир и потеть там, изображая идиотов, если Браун-Дженкинсы и Каузы не присоединятся.

– Следовало бы держать старую даму в доме, – мрачно буркнул Мальпас.

– Хорошо, я поеду и всех повидаю, – кивнул Годфри, решив наконец, что в портвейне нет яда. – Всегда лучше говорить лицом к лицу. Отправлюсь прямо завтра. Так лучше. Они живут менее чем в двадцати милях друг от друга, а обиталище Дженкинсов чуть дальше тридцати миль от нас, так что я смогу заехать ко всем в один день, если не проводить в каждом доме слишком много времени.

– Я полагаю, – уныло протянул Мальпас, – если другие люди захотят участвовать в этом чертовом тупом замысле, то и нам придется лезть в ту же бочку.

– Смотри на проблему иначе, мой мальчик, – отозвался его отец. – Это исключительно вопрос того, какая ветвь семьи унаследует около половины миллиона фунтов.

– Я бы не сказал, что так уж страстно желаю эти деньги, – задумчиво произнес Фрэнсис. – Но мне бы очень не понравилось отступить, чтобы дать дорогу Дикю Каузу. Помню его – робкий червяк. Имел наглость хвастаться своими успехами в школе. И совсем тощий, ха!

– А племя Браун-Дженкинсов сплошь из невежд, – заявил Гилари. – А почему бы нам не отправиться туда? Вполне неплохие каникулы. Возьмем мотороллеры, будем гулять, и я осмелюсь предположить, что там может быть нормальная площадка для крикета, если знать, где ее искать. Хотелось бы понять, на какой срок мы там застрянем?

– Я бы тоже поехала, – неожиданно вступила в разговор Присцилла. – Составлю компанию тетушке Паддикет. Кроме того, Диготы живут поблизости, у них есть корты, и можно будет поиграть в теннис. Я училась в школе вместе с Маргарет Дигот, а Рекс Дигот всегда был приятным парнем.

– Я бы определенно поехал, будь я на вашем месте, – произнес Годфри, обращаясь к сыновьям. – В худшем случае вас ждет изобилие свежего воздуха и упражнений. В лучшем... Ну, если ваша двоюродная бабка проникнется симпатией к одному из вас... Конечно, сама по себе идея абсурдная, но для чего еще существуют старики, как не для того, чтобы портить молодым жизнь дурацкими идеями?

– И почетный член общества, – ехидно сказала Присцилла, – вернулся на свое место под гром аплодисментов.

– Посмотри сюда, – воскликнул Клайв Браун-Дженкинс, – когда я говорю «резиновый клапан», разве я имею в виду внутреннюю камеру?

– Тогда ты должен сам ухаживать за собой, – усмехнулась его сестра Селия, после чего сунула руки в карманы джемпера и ушла в дом.

Клайв поднялся и вытер испачканные в смазке ладони об уже грязный комбинезон. Недовольно хмыкнув, он раскрутил переднее колесо собственного велосипеда, поставленного вверх колесами.

Клайв был крупным, крепко сбитым парнем двадцати лет, с неопрятной копной волос и постоянно грязными руками. Его отец пытался приучить сына к работе в собственной конторе, но Клайв родился механиком и выглядел как механик. Сильный и упорный, он напоминал лошадь-тяжеловоза: его лицо становилось приятным, когда Клайв улыбался, но в состоянии покоя оно принимало решительное, бульдожье выражение, а твердая угловатая челюсть словно сама по себе выдвигалась вперед. Руки и ноги его были длинными, зубы крепкими, а глаза серыми. Клайв был бойцом. С отцом они постоянно находились на ножах, оба обладали схожим темпераментом, и каждый втайне любил и уважал другого.

Клайв положил руку на издававшее шипение колесо и остановил его. Затем подушечкой большого пальца, несомненно, грязного, он потер подозрительное место на шине.

Вскоре рядом с ним снова появилась Селия.

– Ты имел в виду вот эти червячно-длинные фиговины? – спросила она, протягивая ему оловянную коробку.

– Спасибо, – буркнул Клайв.

Следующие двадцать пять минут он работал в тишине, а Селия стояла рядом и наблюдала.

– Завтра далеко собираешься? – наконец поинтересовалась она.

Клайв прикрутил кончик ручного насоса к клапану заднего колеса и несколько секунд качал. Отсоединив насос, он проверил шину большим и указательным пальцами, после чего поставил велосипед к стене дома и сухо ответил:

– Брайтон. Клубный тест. Кстати, мой белый свитер стирали на прошлой неделе?

– Откуда я знаю? Я не слежу за твоими вещами. Лучше сходи и спроси у мамы. В любом случае вещи из прачечной на этой неделе еще не привозили, поскольку я хотела надеть платье из органди на этот вечер, а у меня его нет.

– Твой свитер чист и высушен, дорогой, – раздался женский голос из дома, – ведь я никогда не отсылаю шерстяные вещи в прачечную. Там с ними плохо обходятся. Когда он будет тебе нужен?

– Завтра в пять часов утра, – ответил Клайв. – Я зайду и заберу его сейчас. Наверняка вернусь к обеду.

– К ленчу, дорогой.

– Хорошо, к ленчу.

– Он будет готов к часу тридцати, дорогой, так что не опаздывай.

Клайв усмехнулся и направился в дом.

– А, вот ты где! – крикнул его отец из столовой. – Зайди-ка, я хочу с тобой поговорить.

Клайв зашагал на второй этаж следом за матерью, взял чистый свитер и аккуратно уложил в свой мешок. Затем он заглянул в ванную, чтобы умыться, и вскоре пошел туда, где ждал отец.

Браун-Дженкинс-старший опустил обтянутую носком ногу с подлокотника дивана на пол, после чего произнес:

– Ну что, ты собираешься в Гемпшир или нет?

– Нет, – ответил Клайв.

– Тогда ты чертов дурак, – сказал отец, поднимая газету. – Полмиллиона. Гораздо больше, чем я могу дать тебе, значительно больше. У нас все чертовски хорошо, но не настолько. Так что не будь глупцом. Твой дядя Годфри побывал здесь час назад. Его парни едут в Гемпшир на следующей неделе.

– Я не поеду, – заявил Клайв. – Капризная старая перечница.

– Ну, она такая, но ничего капризного нет в ее деньгах, дружище, так что прости ее. Я считал, что у тебя есть голова на плечах. Но если не хочешь об этом беспокоиться, то и я не буду. Иди.

Клайв вернулся к велосипеду, около которого разговаривали Селия и мать.

– Я не думала, что ты приглашена, дорогая, – сказала Мэри Браун-Дженкинс, очень похожая на брата Годфри, разве что сохранившаяся немного хуже.

– Меня не волнует, приглашали меня или нет, – отозвалась Селия. – Если сестричка Йеомонд может поехать, а дядя Годфри сказал, что она настроилась на это, тогда и я могу. Более того, ты знаешь, каким несносным бывает Клайв, когда ему приходится самому ухаживать за собой. И он непременно будет приходить к обеду с грязью под ногтями, если за ним не присматривать. Йеомонды встанут и выйдут из-за стола, и как ты будешь себя чувствовать?

Клайв хмыкнул за их спинами, и этот звук прервал беседу.

– Вам не надо беспокоиться, – буркнул он. – Я не еду.

– Почему? – воскликнула Селия. – Но ты должен поехать! Это шанс для нас познакомиться с приятными людьми! Присцилла Йеомонд знает людей и там, и вообще везде. Дядя так сказал. Ты должен поехать, Клайв! Подумай о завещании! Я бы не ответила «нет» всем этим деньжищам!

– А теперь посмотри на меня, юная Селия, – выдающаяся челюсть Клайва отвердела, – раз и навсегда. Если кто-либо из вас полагает, что капризная старуха девяноста лет собирается превратить меня в обезьяну на палочке ради ее гнилого богатства, то вы ошибаетесь! Я не собираюсь ломать шею, прыгая с шестом ради чьего-то удовольствия, и если папа считает иначе...

– Но, Клайв, речь не только о деньгах. Подумай, какой удачей будет для дяди Годфри, если один из его сыновей получит дом и собственность, а ты не получишь ничего! Ты знаешь, они смотрят на нас сверху вниз, поскольку папа начал с низов и работал, чтобы сделать карьеру; я не смогла доучиться, а ты не прошел через Оксфорд, как Йеомонды.

– Да, – кивнул Клайв. – Очень хорошо! Очень хорошо тебе говорить об этом, сестричка! Пропавши оно пропадом! Никто не просит тебя втыкать длинный шест в дурацкую дырку и тащить идиотскую тушу вверх, чтобы перепрыгнуть через луну! Молоть языком – простое дело! Оставьте это Йеомондам, а я бы порезвился с копьём, или с диском, или даже с ядром. Клянусь, я брошу его дальше, чем этот Дик Кауз.

– Ну... – протянула Селия. – Нет смысла ворчать. Ты можешь хотя бы попробовать. Ведь в итоге бедная старая леди... Она очень старая! И ты точно можешь отправиться туда и сбить спесь с Йеомондов! Хотя бы вспомни, как ты едешь на велосипеде! Чемпион клуба два года подряд! Я клянусь, Йеомонды не сумеют съездить в Брайтон и обратно за семь часов. И выиграть золотую медаль на треке тоже.

Клайв заухмылялся.

– Ну, я... – скромно произнес он.

– Ты, ты все это сделал. – Селия посмотрела на него с сестринской убежденностью. – И если ты побьешь их всех, то сможешь заняться своим магазином для велосипедистов вместо того, чтобы переключать бумажки в конторе. Деньги тетушки Паддикет...

Клайв взглянул на нее.

– Что-то в этом есть, – признал он, – хотя старая дама наверняка крепкий орешек. Однако мне не сложно отправиться к ней в дом, и посмотреть, что там к чему. В итоге нам не нужно оставаться там. И теперь...

– Вот хороший мальчик, – сказала мать. – Я знала, что ты захочешь доставить удовольствие отцу.

Клайв повернулся и недоверчиво посмотрел на нее.

– Ага, значит, ты тоже замешана в этом деле? Ведь так, мама? В чем идея?

Миссис Браун-Дженкинс улыбнулась и ушла в дом.

– Она просто кипит при мысли, что парни дяди Годфри получают что-то, чего ты будешь лишен, – сообщила Селия. – Люди в этом возрасте такие странные, ну ты знаешь.

Ричард Кауз позвонил в студию сестры.

Амарис Кауз, держа бутерброд с патокой в левой руке, потянулась к трубке правой и предложила брату поделиться с ней наболевшим.

– Собираешься провести некоторое время с тетушкой Паддикет? – повторила она его слова. – Ну, я не возражаю... А дома знают? Но зачем беспокоиться? Ты же можешь это сделать, можешь ведь? Да, конечно, так оно и есть. Интересно, не захочет ли она попозировать для портрета? Что думаешь? Я не знаю. Многие старые люди тщеславны, я думаю. Да, я приеду и повидаюсь с тобой, если хочешь... Лучшим образом... Что? Не слышу тебя... S.P.I. Что это такое? Примитивные импульсы? У меня таких нет; да еще и потакать им... До встречи.

Было очевидно, что тетушка Паддикет потратила немалое количество денег. Более десяти тысяч квадратных ярдов того, что являлось грубым сельским пейзажем годом ранее, перекопали, разровняли, осушили и выложили дерном. Отличный стадион с роскошной беговой дорожкой в четыреста сорок ярдов; яма для прыжков в длину, дорожка для разбега и постоянная толчковая доска; опознаваемое место для прыжков в высоту и другое, для прыжков с шестом, – эти чудеса возникли на месте сырого и заболоченного луга, который одно время находился на границе владений тетушки Паддикет. Участок бросовой земли выглядел весьма широким с востока на запад, учитывая поставленную цель, однако недостаточно просторным с севера на юг, так что старая леди получила повод доказать свой энтузиазм – ей пришлось пожертвовать полосой красивого сада ради спортивной площадки. Там, где ее лужайки прежде спускались мягкими буграми к живой изгороди из боярышника, отделявшей ее собственность от заливного луга, теперь в процессе завершения находился небольшой парк для водяных растений. Пролет из дюжины каменных ступеней, разделяющий этот парк на две равные части, вел вниз к деревянной калитке в кирпичной стене, которая создавала барьер между домом и садом с одной стороны и новым спортивным полем – с другой. Этот парк, о необходимости которого тетушка Паддикет каждый день яростно твердила терпеливой страдалице мисс Кэддик, неожиданно стал зеницей ока старой леди. Она лично спланировала его декоративные эффекты, и постоянно работавшая группа ландшафтных садовников пыталась управиться с ее инструкциями настолько тактично, насколько это было возможно.

Предполагалось, что в парке будет два круглых пруда с водяными лилиями и золотыми рыбками. Что дорожки вымостят самым фантастическим образом. Что там будут альковы, каменные садовые лавочки, статуи фавнов и русалок и даже изваяние сидящего Посейдона. Будут короткие, в неожиданных местах расположенные лестницы из камня... маленький лабиринт... солнечные часы...

Специалист по парковому делу уклончиво улыбался и делал многочисленные заметки.

На данный момент была построена главная лестница и два бетонных бассейна, каждый десять футов в диаметре, один все еще скромно накрыт большим куском брезента. Все свидетельствовало о том, что замыслы тетушки Паддикет относительно парка с водяными растени-

ями находятся в процессе воплощения. Из статуй имелась каменная русалочка с сильно загнутым хвостом, а также фигура римского гладиатора в бронзе, выполненная в рост человека и выглядевшая весьма ироничной.

Живую изгородь, прежде отделявшую «пустыню» от «оазиса», пришлось удалить. Такая же участь ждала другую, находившуюся между заливными лугами – полосой неудачной земли, что мягко опускалась к болоту немалого размера, через которое извивался неторопливый ручеек.

Этот второй луг тоже пригодился тетушке Паддикет для атлетических целей. Болото углубили и очистили, а его оседающие сырые берега тщательно укрепили. Воздвигли на одном конце вышку для ныряния и поставили рядом деревянную кабинку, чтобы желающие искупаться могли переодеться. Колючие деревья и несколько разбросанных там и сям безвершинных ив придавали меланхоличную привлекательность пейзажу, который без них смотрелся бы удручающе.

Обед завершился, и Присцилла Йеомонд, которая, «как и угрожала», – слова Гилари – сопровождала братьев в дом тетушки Паддикет, накинула плед и вышла на вершину каменной лестницы, чтобы подышать воздухом. Особенностью всех комнат первого этажа в особняке была атмосфера подавляющей духоты. Зачарованная красотой вечера и привлеченная необычным пейзажем, который Присцилла совершенно не могла соотнести с тем, что знала по рассказам отца, она спустилась по ступеням, миновала деревянную калитку и оказалась на спортивной площадке. Присцилла прошла по дерну, которым была обложена дорожка для разбега, пока не добралась до второй калитки. Пройдя через нее, Присцилла остановилась перед одним из домиков, которые старая леди велела построить для атлетов.

Негромкий звук за спиной вынудил ее обернуться. Светловолосый, тощий молодой человек в костюме из фланели стоял у калитки, ведущей к спортивной площадке. Это был приемный внук тетушки Паддикет, Тимон Энтони.

– Заходи внутрь! Заходи внутрь! – потребовал он.

Присцилла смотрела на него с любопытством.

– Я вот на что намекаю-то, – продолжил молодой человек со светлыми волосами. – Заходи внутрь и заberi этих твоих братьев обратно в Лондон.

– Я тебя не понимаю, – холодно отозвалась она. – Что ты имеешь в виду?

Молодой человек выразительно помахал рукой.

– Все эти низкие земли около воды самые нездоровые, – сообщил он с обеспокоенным видом. – Все эти инфекции, которые солнце вытягивает из болот, торфяников, низин...

Присцилла рассмеялась. Молодой человек покачал головой.

– Вряд ли ночной воздух тут может быть полезным хоть кому-то, так что вернись домой, – добавил он, после чего взял Присциллу за левый локоть и повел обратно тем же путем, которым она только что прошла. На вершине каменной лестницы он выпустил ее руку и удалился, не произнеся более ни слова.

– Ну... – покачала головой Присцилла, опираясь на балюстраду и глядя вслед удаляющейся фигуре.

Оказавшись в самом низу лестницы, молодой человек повернулся и помахал ей рукой.

Присцилла нахмурилась, решив, что он выглядит странно. Хотелось бы ей знать, насколько ему понравилась идея: группа родственников его приемной бабушки приезжает в дом, чтобы сражаться за наследство, которое он считал своим много лет.

«Это нечестно со стороны тетушки Паддикет, – подумала Присцилла, проходя через большую дверь в дом. – И он выглядит так, словно принял все очень легко».

Она задала вопрос старой леди на следующий день.

– Тимон Энтони? – ядовито пропищала тетушка Паддикет. – Нет, племянница! Нет! Этот щенок хочет отправиться на сцену! Играть на сцене, ты слышишь? Я не оставлю ему ни пенни, так я ему и сказала!

– Но разве у него не будет шанса... ну, бегать и прыгать с другими парнями? – поинтересовалась Присцилла.

– Бегать? Да, он может бегать от кредиторов, когда растратит все содержание! Так что впереди его ждет много беготни!

И она отказалась продолжать разговор.

### Глава 3. Кролик и метательное копьё

– Это очень смешно, – проговорил Джозеф Херринг по прозвищу Проныра.

Он снова обошел клетки и произвел повторный пересчет.

– Здесь у нас три бельгийских зайца и два белых ангорских, и с этой стороны все хорошо. Но затем у нас молодые фламандские гиганты<sup>2</sup>. . . Чтобы мне лопнуть, если я не думал, что их три в каждой клетке! Но тут их только два!

Он сосчитал еще раз для полной уверенности, а затем почесал подбородок.

– Этот проклятый зверь удрал, чтоб его! И надо с этим разобраться. Старая дама не ограничится жалобами, если узнает, что здесь не все в порядке.

Это было прекрасное утро пятницы, восемнадцатого апреля, и легкоатлеты тренировались уже одиннадцать дней. Поскольку день выдался приятный и теплый, тетушка Паддикет, с триумфом завершившая обязательную встречу с кухаркой, выразила намерение посмотреть, как там резвятся юнцы на спортивном поле.

Первым человеком, с которым столкнулись она и ее эскорт, оказался тренер Кост, крепкий блондин решительного вида, чисто выбритый, с голубыми глазами, привлекательный в простой, твердой скандинавской манере, облаченный во фланелевые брюки и толстый шерстяной свитер. Кост выглядел распаренным и сердитым, он пятый день пытался посвятить Клайва Браун-Дженкинса в таинства прыжка с шестом.

– Никакого смысла нет проявлять застенчивость, мистер Браун, – презрительно говорил он. – Я не тренирую трусов. Нет.

Клайв Браун-Дженкинс бросил шест на землю, снял свитер, швырнул его туда же и решительно направился к тренеру. Его челюсть напоминала таран, а серые глаза сверкали.

– Кого-кого вы не тренируете? – спросил он тихо, но сердито.

Кост посмотрел на молодого человека столь же недобро.

– Дураков, возможно, – с усмешкой ответил он. – Что с твоим самообладанием?

Клайв развернулся на пятках и снова взялся за шест.

Тетушка Паддикет с одобрением кивнула. Тренер стоил вложенных в него денег. Она отдала приказ, и ее коляска покатила по беговой дорожке в сторону ямы для прыжков в длину.

– Ты хочешь прыгнуть выше, – сказал Гилари Йеомонд своему брату Фрэнсису в тот момент, когда старая леди находилась рядом.

– Чепуха, племянник! – пропищала она. – Он хочет прыгнуть далеко и длинно, а не вверх!

– Прошу прощения, мадам, – раздался голос тренера из-за ее спины, – но мистер Йеомонд определенно прав, ага.

Он вышел вперед, оказавшись перед креслом, и ловко натянул полосу белой шерсти поперек прыжковой ямы, используя два четырехфутовых колышка, воткнутых в землю заранее именно для этой цели.

– Теперь, мистер Йеомонд два, – произнес Кост, отступая на шаг, – вперед, и так, чтобы не порвать эту нитку, ага.

Фрэнсис отошел на нужное расстояние и начал разбег.

– Быстрее, быстрее! Что за лентяй! Лентяй! – завопил тренер, изображая танец агонии и наблюдая за тем, как Фрэнсис срывает тонкую ленту и падает на собственную физиономию.

– Вам бы лучше отправиться обратно и поучиться ходить, держась за кресла, – усмехнулся Кост.

---

<sup>2</sup> Бельгийский заяц, ангорский кролик, фламандский гигант – породы кроликов. – *Прим. ред.*

Улыбка Фрэнсиса стала шире, с невозмутимым видом он принялся снова отсчитывать шаги для разбега.

– Что за отличие, – пробормотала угловатая мисс Кэддик на ухо нанимательницы, – от отношения, которое демонстрирует мистер Браун-Дженкинс.

– Что? – спросила тетушка Паддикет, цокая языком.

Именно в этот момент Ричард Кауз в третий раз подряд потерял контроль над ядром, совершил дерганный прыжок через семифутовую зону толчка и уронил тяжелый снаряд почти на собственную ногу. Орлиный взгляд тренера не упустил этой оплошности.

– Да ты оживший кузнечик из часов, ага! – крикнул Кост. – Так ты заработаешь воспаление коленного сустава!

Он оставил покладистого Фрэнсиса на произвол судьбы и ринулся в сторону Ричарда. Тот поднял двенадцатифунтовый снаряд и, судя по виду, решал, то ли швырнуть его в тренера, то ли разрыдаться.

– Весьма примечательно, – оживилась мисс Кэддик.

– Не будь душой, компаньонка Кэддик! – вскричала старая леди.

– О, я вовсе нет, дорогая миссис Паддикет, – ответила та, честно моргая блеклыми глазами. – Это весьма примечательно. Прекрасное, джентльменское поведение мистера Мальпаса, мистера Фрэнсиса и мистера Гилари, когда они призваны к трудам нашим дорогим тренером! И мрачный, унылый, почти негодующий вид, с каким мистер Ричард и мистер Клайв принимают его благожелательные замечания.

В этот момент колесо кресла наткнулось на что-то спрятанное в траве, поскольку Джозеф, повинаясь щелчку пальцев хозяйки, толкнул кресло к центру площадки. Там Гилари Йеомонд, который даже в шортах и майке выглядел больше греком пятого века до нашей эры, чем сами греки пятого века до нашей эры, совершал акт метания диска.

Препятствие на пути колеса оказалось метательным копьем, которые используют в легкой атлетике. Кресло остановилось, его обитательница и ее спутница принялись рассматривать копьё. Проныра, всегда благодарный за любую возможность увильнуть от работы, шагнул назад и принялся разглядывать уже привычную сцену. Гилари Йеомонд совершил бросок диска и теперь отправился за своим снарядом, поэтому он как раз проходил мимо и тоже нагнулся посмотреть, что там такое лежит в траве рядом с «колесницей».

– Подними это, юноша! Подними! – пропищала старая миссис Паддикет, наклоняясь в кресле и шлепая внучатого племянника по ногам зонтиком.

Но угловатая мисс Кэддик оказалась первой, кто наклонился и вознес над травой длинное копьё. Компаньонка держала снаряд так, что его испачканный кончик был в десяти дюймах от лица тетушки Паддикет.

– Кровь, – сказала мисс Кэддик с большим удовольствием. Она алчно облизала губы и потрогала запятнанный наконечник копья.

– Отвратительно, – пробормотала старая леди. – Ткни слугу.

Однако мисс Кэддик нашла более тактичный способ привлечь внимание Джозефа. Шагнув вперед, она просто перекрыла направление его взгляда, после чего заговорила. Херринг, собравшийся откашляться не столько по необходимости, сколько для того, чтобы выразить мнение по поводу прыжка в высоту в исполнении Мальпаса Йеомонда, за которым наблюдал с предельным отвращением несколько секунд, быстро изобразил внимание.

– Мадам? – произнес он, торопливо поворачиваясь к миссис Паддикет.

– Убери этот инструмент.

– Это копьё, мадам.

– Определенно.

– Куда его, мадам?

– Слуга, не будь дураком!

Она гневно цокнула языком, поскольку Мальпас Йеомонд в третий раз не смог взять пять футов одиннадцать дюймов.

– Выше, племянник, выше! – сердито завакала она.

Мальпас вернулся на место планку и улыбнулся старой леди.

Джозеф Херринг взял копьё, врученное ему мисс Кэддик, и затопал в сторону дома.

– А еще, слуга! – закричала тетушка Паддикет ему в спину. – Узнай, если возможно, как оно появилось тут, на траве!

Проныра поднял левую бровь, изображая комическое удивление, и сообщил:

– Дико извиняюсь, мадам, но, мне кажется, его оставил на траве один из юных джентльменов после вчерашней практики, так что оно уже и заржавело. Сталь, если ее оставить на сырой траве, мадам, имеет привычку ржаветь.

Проныра отправился дальше, преследуемый крикливыми упреками, на которые не обратил ни малейшего внимания. Обогнув один из домиков, он двинулся в обход огорода.

Тетушка Паддикет подняла свой бинокль, чтобы только увидеть очередную неудачную попытку Клайва Браун-Дженкинса чисто пройти над планкой для прыжков с шестом.

– Очень плохо, племянник! – завопила она, хотя нужды в этом не было.

Клайв, упавший так, что левая нога оказалась под ним, огляделся. Неторопливо поднявшись, он захромал в сторону пожилой родственницы.

– Что вы сказали?

Тетушка Паддикет проигнорировала его; щелкнув пальцами, она призвала мисс Кэддик на место отсутствующего Джозефа. Клайв подобрал шест и решил прыгать снова, а старая леди мрачно приготовилась смотреть.

В этот момент светловолосый тренер Кост напустился на Клайва.

– Вы никогда не справитесь должным образом, мистер Дженкинс, если будете держать шест так низко, – заметил он. – Смотрите сюда, ага. Наблюдайте, как делаю я.

– Чертов акробат, – пробурчал Клайв Браун-Дженкинс после того, как тренер успешно завершил демонстрацию.

– Это вовсе не образец акробатики, – заметила мисс Кэддик до того, как тетушка Паддикет успела выдать очередную реплику. – По-моему, правильное развитие брюшных мышц играет некую роль в правильном исполнении этого упражнения, и подъем ног вперед и вверх, вместе с определенной уверенностью в собственной способности...

– Удержись от цитат, Кэддик, – ворчливо перебила ее миссис Паддикет. – Цитаты – последнее прибежище людей со слабым умом. Если у тебя нет собственных мыслей по поводу успеха в прыжках с шестом, то молчи. Племянник, ты должен разрабатывать мышцы плеча и предплечья. Ты вялый и бесхребетный. Тебе не хватает бицепсов и решительности, племянник. Поработай над этим. Фильм в режиме замедленной съемки будут показывать сегодня вечером в деревенской школе. Тренер!

Кост подбежал к ней.

– Убедительное исполнение, тренер. Домашний кинематограф, управляемый внуком Энтони, теперь зафиксирует твой метод. Повтори.

Кост поклонился, вернулся на стартовую позицию и поднял шест. Тетушка Паддикет извлекла маленький серебряный свисток и подула в него. Из парка с водяными растениями появился Тимон Энтони с кинокамерой.

– Тренер Кост покажет прыжок с шестом, – произнесла она. – Сними исполнение.

Тимон Энтони усмехнулся и кивнул; остальные атлеты собрались, чтобы посмотреть.

– Парень демонстрирует стиль, – заметил Фрэнсис Мальпасу, когда Кост чисто прошел над планкой и совершил безупречное приземление.

– Как и я, на десяти футах, – ответил его старший брат. – Поставь планку на фут с половиной выше, и будет другая история, чтобы рассказывать. С остальными то же самое. Я выгляжу

как чемпион мира, когда делаю четыре фута шесть дюймов в высоту. Всегда забочусь, чтобы работать на этой высоте, когда тетушка рядом. Она сказала мне вчера, как хорошо я справляюсь. Кост вбил ей в голову, что стиль – это все, как ты видишь. К несчастью, она видела, как я сел в лужу на пяти одиннадцати этим утром, так что я больше не голубоглазый мальчик.

– Ну, стиль – это все, до определенной степени, – кивнул Гилари. – Вспомни хотя бы крикет.

– Ну да, но самый изящный стиль не даст тебе ничего, если у тебя не хватает упорства показывать его постоянно, – заметил Клайв Браун-Дженкинс. – Сколько времени?

– Половина первого. Время сполоснуться и отправиться на ленч. Пойдем. Наш босс натягивает свитер, и это значит, что мы закончили.

– В чем дело? – спросила Селия.

Они с братом гуляли вокруг стадиона перед началом вечерней тренировки.

– Кажется, я пнул что-то, – ответил Клайв. – Ага, точно.

Он нагнулся и поднял метательное копьё из высокой травы, где его совсем не было видно.

– Странно, – произнес он. – Утром одно уже валялось здесь. Тетушка отправила Джозефа прочь с ним. Хотел бы я знать, кто оставил его тут снова? Лучше убрать его, а то оно испортится.

Они уже собрались воплотить этот план в жизнь, когда кресло тетушки Паддикет возникло в калитке и покатило в их сторону.

– Что это? – спросила старая леди, тыча зонтиком в сторону копьё.

Клайв поднял снаряд повыше.

– Джозеф, – пропищала тетушка Паддикет, – отнеси этот инструмент тренеру. Выскажи ему мое желание, чтобы инструмент был помещен в нужное место, и спроси его, как так получается, что он оставляет предметы своего труда на поле, где они могут отсыреть, покрыться плесенью и заржаветь.

– Хорошо, мадам, – ответил Проныра. Взяв копьё, он с любопытством посмотрел на него. – Дико извиняюсь, мадам, но это то же самое копьё, которое вы дали мне утром, чтобы я унес его, и я взял его и поставил в угол в кухне, чтобы оно обсохло. Затем я отчистил ржавчину с наконечника, а потом взял его и отнес в спортивный зал, где поставил рядом с двумя другими такими же, и вот оно снова здесь.

Проныра разглядывал копьё с сомнением, будто в руках у него был жезл Моисея, готовый в любой момент превратиться в змею.

– Джозеф! – вскричала миссис Паддикет, раздраженно постукивая по древку копьё наконечником зонтика. – Иди! Иди! И не будь дураком!

Проныра усмехнулся и удалился.

Тренер вставлял новую батарейку в мощный электрический фонарь. Он улыбнулся при виде Проныры и отложил фонарь.

– Полагаю, время начать работу, ага, – проговорил он. – Босс там?

– Она там, – сообщил Джозеф.

Кост засмеялся.

– Ты знаешь что-нибудь об электричестве, парень? – поинтересовался он, глядя на фонарь.

Проныра изобразил печальную улыбку и покачал головой.

– Как раз достаточно, чтобы тратить деньги на трамвай, когда я езжу домой, чтобы повидать мою старую добрую матушку, – сообщил он. – А в чем дело?

– Ни в чем особенном, – сказал Кост. – А это что такое? – Он указал на перепачканное в крови копьё.

Проныра пожал плечами.

– Знаете что-нибудь об этом? – спросил он, указывая на наконечник копья.

Кост, похоже, не понял важности вопроса.

– Я бы сказал «нет», ага, – буркнул он, забирая длинное древко из рук Джозефа. – Швед по фамилии Лундквист держит рекорд со времени последних Олимпийских игр. Две сотни, восемнадцать футов и еще немного. Пойдем наружу.

Проныра повиновался.

– Так, теперь я готов спорить, что ты не сможешь бросить его так далеко, как то гнездо из травы.

– Не о том речь, – сказал Джозеф и подчеркнул важность момента тем, что прикоснулся к руке тренера. – Меня отправили к вам, чтобы вы доложили старой леди прямо сейчас, почему вы бросили его на поле.

– Я? – Кост опустил копьё и усмехнулся. – Я не делал этого! Зачем это мне?

Проныра понизил голос:

– Смотрите, это чертовски странно. Утром она нашла это копьё прямо в траве, она ругалась немного и отправила меня прочь с ним. Тогда мисс Кэддик указала на кончик... вот эту железную часть... и начала говорить насчет крови. Я решил, что это ржавчина. Но когда принялся очищать его, то будь я проклят, если это не оказалась действительно кровь. Что вы об этом думаете?

– Ничего. – Кост снова поднял снаряд и внимательно осмотрел наконечник. – За исключением того, что, если я не ошибаюсь, оно опять в крови. Ты точно отчистил его как следует, ага?

– Отчистил, приятель.

Джозеф покосился на темное пятно и коснулся его указательным пальцем.

– Ну что ж, пойдёмте к старой леди, – произнес он, – и вы скажете ей, что думаете.

Кост, однако, не захотел делать что-либо подобное до окончания вечерней тренировки.

– Я буду выполнять то, за что мне платят, ага, – заявил он. – А мне не платят за то, чтобы я бегал за глупыми старыми дамами... Нет! Мне платят, чтобы я учил их прыгать, метать, бегать, ага. Я пойду к ней позднее.

– Тренер, – произнесла тетушка Паддикет, когда Кост оказался неподалеку от ее кресла после коротких вечерних занятий, – подойди ко мне.

И она кивнула на копьё, прислоненное к кирпичной стене, отделявшей парк с водяными растениями от спортивных площадок.

– Как ты смеешь столь небрежно обращаться с инвентарем? – возмутилась старая леди. – Расслабленность, тренер, расслабленность!

– Мадам, – ответил Кост, выпрямляясь и глядя ей в лицо, – я не знаю, о чем вы говорите, ага. С того момента, как было решено... ведь было решено, не так ли?... что мистер Энтони не должен участвовать в тренировках, метательные копья, как мне известно, не использовались никем из джентльменов, и я не собираюсь нести ответственность за них.

Миссис Паддикет рассмеялась.

– Решительно заявлено, тренер, – заметила она. – Джозеф!

Проныра появился рядом с ней.

– Отнеси этот инструмент в ближайший полицейский участок.

– Хорошо, мадам.

– И пусть инспектор выяснит природу этой дурацкой субстанции на кончике.

– Кровь, – произнесла мисс Кэддик с тем же самым подчеркнутым удовольствием, которое проявила и в предыдущем случае.

– Чепуха! – возразила старая миссис Паддикет. – Как это может быть кровь? Джозеф, одна нога здесь – другая там!

– Но если вы уверены, что это не кровь, тетя, – заметил Гилари, – то зачем относить его в полицию?

– Ты дурак, племянничек! – закричала старая леди, поворачиваясь в кресле так резко, что чуть не опрокинулась вместе с ним в калитку и дальше, в парк с водяными растениями.

Мальпас положил руку на «колесницу», удерживая ее от падения, и примирительно произнес:

– Не обращайтесь на него внимания, тетушка. Как насчет чая? Уже половина пятого.

Миссис Паддикет посмотрела на свои золотые часы.

– Время. Самое время, – пробормотала она. – Племянник Мальпас, вези меня внутрь. Полагаю, вы все будете выглядеть жалко, если я попрошу вас снова выйти сюда и тренироваться сегодня вечером, но я вынуждена заявить, племянники, что ваши достижения сомнительны. Будьте честны! Демонстрируйте упорство! Будьте решительны. Рим не был построен за день. Но он был построен. Соорудите свой Рим, племянники! Возведите его! – Старая леди постукала зонтиком по земле, чтобы ее слова прозвучали более убедительно.

– Да чтоб мне лучше утонуть, – пробормотал Гилари, изображая шотландский акцент кухарки.

Мисс Кэддик, ошарашенная тем, что эту суровую цитату можно произносить так еретически, хихикнула.

– Вы такая задница, компаньонка Кэддик, – прошептал Гилари, шевеля бровями так, как делала это миссис Паддикет, находясь в гневе.

– Мистер Гилари, вы должны следить за своими словами, – проговорила угловатая леди, кокетливо вскидывая голову и прижимая к губам кружевной платок. – Вы, молодые джентльмены, слишком уж юмористические!

– Серьезно, сестра Кэддик, – сказал Гилари, когда они немного отстали от кресла тетушки Паддикет, – если вскоре ничего не произойдет, то я поеду домой. Это такая дыра. Как вы выносите ее?

– Это мой дом, – ответила она, – а миссис Паддикет вовсе не строгий работодатель. И она всегда отправляется спать сразу после девяти часов.

– Всегда? – уточнил Гилари. – О, это не так плохо.

– Да, всегда, – кивнула мисс Кэддик, потом быстро оглянулась и понизила голос: – Однако мне хотелось бы знать, мистер Гилари, кто брал ее кресло и намочил его прошлой ночью.

– Что вы имеете в виду?

– Ну... – протянула она, – его вывозили наружу. Это все, что мне известно. В девять часов вечера она отправилась в кровать, а в восемь утра сегодня Джозеф пожелал видеть меня. Мистер Гилари, кресло было насквозь промокшим. Нам пришлось здорово потрудиться, чтобы высушить его в кухне до того, как хозяйка узнает. Оно может быть еще сырым. И если оно все еще сырое и у нее начнется приступ ревматизма, то как я должна себя чувствовать? Но я не осмелилась ей сказать, мистер Гилари, поскольку была уверена, как и Джозеф, что кто-то из вас, молодых джентльменов, играл с ним! Если так, мистер Гилари, я бы очень просила вас больше не делать этого. Я окажусь в такой сложной ситуации, если миссис Паддикет заметит! Меня даже могут уволить! А у меня есть определенные надежды. Вы же видите, мистер Гилари. Не «Большие надежды», как у Диккенса, – она по-девчоночьи хихикнула, – но все же надежды. Если меня рассчитают...

– Да, да, конечно, – прервал ее Гилари. – Ясно. Я не брал кресло прошлой ночью и не знаю, кто мог это сделать. Этого вам достаточно? Хотя полагаю, что нет.

– Ну, кресло точно находилось снаружи, – произнесла мисс Кэддик, – поскольку оно промокло от дождя, а дождя не было, мистер Гилари, до десяти часов вчера вечером. И кресло может само скатиться по склону холма, но не выкатиться из запирающегося сарая, который закрыт, мистер Гилари. Так оно и было! И потом это копьё... мне это не нравится. Если вы,

джентльмены, должны шутить над старой леди, я бы хотела, чтобы вы делали это чуть менее мрачно. Пожалуйста, мистер Гилари!

Тот посмотрел на нее и печально покачал головой.

– Полагаю, что зря трачу время, сообщая вам, сестра Кэддик, что я ничего не знаю о каком-то проклятом копье посреди поля, – заявил он. – И все же я передам ваши слова дальше, не сомневайтесь. Мне не нравится идея шутить, пугая старую женщину, которой девяносто лет. – Гилари вздохнул. – Подумать только, что в вас, сестра Кэддик, я нашел в этом отношении родственную душу.

К двенадцати часам ночи снова было по три молодых фламандских гиганта в каждой клетке. И во внешней комнате для мытья посуды Джозеф Херринг, получивший сюда доступ исключительно благодаря хитроумным усилиям, смывал желтоватую глину с собственных ботинок.

## Глава 4. Ночь пятницы и утро субботы

Присцилла Йеомонд сняла вечернее платье и повесила его в шкаф для одежды. Прикрыв дверь гардероба, она взяла со столика свечу и направилась к высокому венецианскому зеркалу на основании из кованого железа. Там Присцилла, держа свечу, некоторое время изучала свое приятное отражение. Наконец, удовлетворенно вздохнув, она вернула свечу на туалетный столик и начала расчесывать блестящие короткие темные волосы.

Было около часа ночи. Присцилла собиралась лечь спать раньше, но, когда тетушка Паддикет ушла около девяти, в доме включили граммофон и затеяли танцы. Потом в половину двенадцатого она проводила Селию на второй этаж, задержалась в комнате сестры, чтобы поболтать, и вот буквально только что пожелала той спокойной ночи. Присцилле нравилась Селия, и она хотела бы знать, какова из себя Амарис Кауз. Дик Кауз был странным. Возможно, Амарис не уступала ему. Но она точно обладала смелостью, поскольку порвала связи с семьей и решила жить самостоятельно. «Утони или плыви», – подумала Присцилла. И вот еще Селия. Ей только восемнадцать лет, но у нее была работа, и она зарабатывала деньги. Присцилла провела мысленную ревизию собственной жизни. Выглядела та хилым пустяком, если сравнивать с деянциями кузин-амазонок.

Резкий щелчок, донесшийся от окна, заставил ее вздрогнуть. Тридцать секунд Присцилла стояла неподвижно, ее сердце колотилось. Оправившись, но все еще вздрагивая, она шагнула к окну, отдернула занавески и выглянула наружу. Даже во тьме, она подумала, можно различить более темный силуэт внизу. Присцилла толкнула створку и позвала тихо, хотя голос ее звучал напряженно:

– Кто там?

Ответа не было. Напрягая зрение, она поняла, что темный силуэт – молодой кипарис, который по приказу тетушки Паддикет посадили в парке сегодня утром. Свеча позади нее зашипела и замерцала под ударом проникшего внутрь сквозняка. Присцилла собралась закрыть окно, но тут луна пробилась через облака и с неожиданной ясностью осветила странное зрелище. Некто толкал кресло тетушки Паддикет по беговой дорожке на приличной скорости, и, насколько Присцилла могла заметить, тетушка Паддикет сидела в кресле! В час ночи!

Внезапно свеча прекратила неравную схватку с потоком воздуха и погасла. В этот же самый момент во мраке, что объял Присциллу, кто-то кашлянул прямо у нее за спиной. Присцилла трясущимися руками захлопнула окно и повернулась.

– Кто... кто здесь? – произнесла она, и собственный голос удивил ее.

Ответа она не дождалась.

Присцилла неожиданно осознала, что смотрит прямо на светящиеся стрелки будильника, который стоит на маленьком буфете, а тот располагается на площадке за дверью ее спальни.

Значит, дверь открыта. Кто-то вошел!

Присцилла обвела комнату испуганным взглядом, ощущая, как ее охватывает паника. Трясущимися руками она зажгла свечу и торопливо собрала вещи, которые ей требовались на ночь. К окну подойти она бы не решилась, остаться в одиночестве – тоже.

– Извини, что снова тревожу тебя, – сказала она, входя в комнату Селии с ночной рубашкой, халатом, расческой и щеткой в руках, – но я не хочу сегодня спать одна.

Селия удивленно оглянулась. Она только что закончила наносить ночной крем на лицо и радостно улыбнулась.

– Трижды ура тебе за компанию! – воскликнула она.

– Прежде чем мы отправимся в кровать, я предлагаю запереть дверь, – произнесла Присцилла. – Так я буду чувствовать себя спокойнее. Мне не хочется тебя пугать, но кто-то только

что вошел в мою комнату неким странным образом... я такого не ожидала... Я видела кресло тетушки, катившееся по спортивной площадке со скоростью двадцать миль в час.

Селия недоверчиво усмехнулась, а потом, нагнувшись и пошарив под большой кроватью с балдахином, извлекла ножку кресла. Та была сделана из красного дерева, красиво вырезана и отполирована и выглядела тяжелым, хорошо сбалансированным оружием. Селия перехватила эту булаву двумя руками и игриво покачала ей перед Присциллой.

– Всякий, кто войдет сюда, быстро пожалеет, что это сделал, – заявила она. – Надо повесить объявление на двери: «Посетители могут входить на свой страх и риск». Что ты думаешь по этому поводу?

Присцилла улыбнулась:

– Я знаю, что ты считаешь меня идиоткой, но мне это безразлично. Кроме того, я принесла коробку шоколадных конфет, так что тебе не придется говорить, что я тебе не нужна... Ну а я настроена остаться здесь на ночь.

Через полчаса Селия еще не спала. На нее снизошло видение тетушки Паддикет, дышащей воздухом в кресле на колесиках, что катилось по беговой дорожке. Будучи не в силах удержаться, она начала хихикать. Безумное желание выйти и посмотреть, так ли все происходит, возникло и усилилось. Селия вскочила с кровати.

Небо было чистым, полная луна висела в вышине. Можно было видеть каждый предмет в комнате. «Прекрасная ночь для рекордного забега», – подумала сестра велосипедиста-чемпиона, тихо хихикая. Она подкралась к двери и повернула ключ. Присцилла пошевелилась во сне, реагируя на слабый щелчок замка, но не проснулась. Селия взяла халат с кресла и выскользнула из комнаты. Толстые ковры, лежавшие повсюду, были приятно теплыми под ее ногами.

Она прошла длинным коридором к спальне Присциллы и заглянула в открытую дверь. Внутри была видна склонившаяся над кроватью фигура. Селия Браун-Дженкинс резко втянула воздух, а потом произнесла очень четко:

– Руки вверх!

Фигура резко повернулась.

– Заткнись, маленькая идиотка, – раздался знакомый голос.

– О, Клайв, это ты! – беспомощно воскликнула Селия. – Что ты тут делаешь?

Клайв вышел в коридор и положил руку ей на плечо.

– Иди обратно в кровать, – тихо сказал он. – Нечто странное происходит, и я тут, чтобы понять – что именно. Это чья комната?

– Присциллы. Но она у меня сейчас, – ответила она. – Клайв, иди спать.

Брат отодвинул ее в сторону и мягко прикрыл дверь спальни.

– Я не могу попасть в свой домик сегодня, – прошептал он. – Заперта калитка между водяным парком и спортивным полем. И все в кухне и вокруг нее тоже закрыто. Попытавшись выбраться, я создам шум. Придется отправиться в столовую и поспать на диване.

– Я дам тебе стеганое одеяло. Пойдем со мной.

Селия вернулась к своей комнате и заглянула внутрь, чтобы немедленно взять одеяло для брата.

– Спокойной ночи, – прошептала она. – Хотелось бы мне знать, о чем ты говорил. Чего сегодня такого странного происходит в доме?

– Все в порядке, – тихо ответил Клайв. – Расскажу подробности утром. Спокойной ночи. Запри дверь.

Он развернулся и ушел, а Селия осталась у двери спальни, напряженно прислушиваясь. Неожиданно до ее слуха долетел вскрик и звук падения.

«Клайв, – подумала она, побежав в сторону главной лестницы. – Наступил на угол одеяла и свалился на ступеньки».

Свечи и фонарики вскоре осветили пространство. Свет появился из каждой двери, кроме той, что вела в спальню тетушки Паддикет. Присцилла, разбуженная шумом и обнаружившая, что Селия исчезла, выскочила на лестничную площадку наверху.

Клайв лежал около лестницы, полностью завернутый в толстое стеганое одеяло насыщенного оранжевого цвета. Оно спасло его во время падения, так что кроме шишки на голове и синяка на голени он не получил повреждений. Однако Клайв рассказал нечто весьма странное. Когда он ступил на первый пролет лестницы, чтобы спуститься в холл, кто-то сильно толкнул его в спину. В стеганом одеяле Клайв не сумел оказать какого-либо сопротивления или уклониться, поэтому беспомощно скатился вниз по ступеням.

– Хорошо, что вы, парни, смотрите на меня таким вот образом, – сказал он в завершение, изложив все это другим атлетам в гимнастическом зале на следующее утро перед завтраком, – но какие-то непонятные вещи происходили в доме прошлой ночью. Начнем с того, что кто-то испугал Присциллу в ее комнате. Я оставался в библиотеке, читая до половины первого. Забыл, что калитка между водяным парком и спортивной площадкой закрывается в половину двенадцатого, так что не мог попасть в домик, не производя шума. Я решил выйти через главную дверь, для чего пришлось отодвинуть засов, и закрыл ее за собой. И только добравшись до лестницы, вспомнил о калитке. Меня осенило, что я могу перелезть через нее, но, пройдя все ступеньки до самого низа и отправившись к калитке, увидел кое-что странное. Некто вышел из главной двери. Он не мог видеть меня, поскольку было темно, а под стеной парка еще и лежала тень, но я сумел различить его. Он был словно нарисован китайской тушью в лунном свете на белой стене дома. Человек прошел вдоль террасы и двинулся вниз по ступенькам. В этот момент я собрался поприветствовать его, поскольку я вроде бы узнал его походку, но сообразил, что кое-что выглядит очень странно. Несколько мгновений я не мог понять, что именно, а потом догадался. Тот человек шел по каменным ступенькам совершенно бесшумно.

Он остановился примерно на полпути вниз и развернулся. В спальне прямо над лестницей горела свеча. Я увидел, как взметнулась его рука, и услышал стук камня, ударившего в стекло. Едва совершив бросок, человек метнулся обратно вверх по ступеням так быстро, как только мог. Окно открылось, и девичий голос поинтересовался: «Кто там?» И в это же самое мгновение свеча погасла. Слишком сильный сквозняк, полагаю. Ну, я думал, что это, наверное, забавно – швырять камнем в окошко спальни, где живет девушка, в час ночи и пугать ее до смерти, но не знал, что могу сделать, кроме как догнать того типа и объяснить ему, что к чему. В общем, я запрыгал вверх по ступенькам, когда, будь я проклят, раздался звук колес на беговой дорожке прямо за калиткой, около которой я стоял. Выглядело оно так, словно кресло старой леди пустилось в отличный спринт. Этого не могло быть, я так и подумал, но на некоторое время это меня задержало.

Вскоре я поднялся по ступеням и влез в дом. Открыл дверь своим ключом, разумеется. К счастью, тот тип не задвинул засов. Однако найти его я не сумел. Попробовал все двери внизу. Искал тихо, но решительно, около получаса. Довольно бодрый способ провести скучную ночь. Мне всегда везет как утопленнику: мой фонарик погас, но в этот момент я наткнулся на открытую дверь. Решив, что моя птичка может залечь на грунт в запасной спальне, я вошел. Лунного света хватало, и я увидел, что комната совсем пуста. Шагнув к окну, я с удивлением понял, что это та самая комната, в которую незнакомец швырлял камнем. Занимавшая ее девушка куда-то исчезла. Я подошел к кровати, чтобы присмотреться и разобраться, что тут произошло, но тут младшая сестра испугала меня до полусмерти, внезапно заорав: «Руки вверх!» Должен сказать, у нее есть ум и характер. Вовсе не каждая девчонка завопит «Руки вверх» в адрес мужчины, которого она может с полным основанием считать взломщиком или убийцей. Другой девушкой была Присцилла, и она отправилась в комнату Селии, чтобы провести там остаток ночи. Вскоре Селия дала мне стеганое одеяло, чтобы я мог лечь спать на диване в столовой, ну, и как

я сказал, будь я проклят, если кто-то не толкнул меня со всех сил вниз по ступенькам. Думаю, это был тот же урод, что кидался камнями, но не могу понять, где он прятался.

– Кто же был тот человек? – спросил Мальпас Йеомонд. – Ты сказал, что узнал его.

– Да. Это был мерзавец Кост. Я где угодно узнаю его походку.

– Кост? – удивленно воскликнул Фрэнсис Йеомонд.

– Нет, – жестко возразил Ричард Кауз, раскусывая молодую весеннюю луковицу.

– Я бы тоже не подумал, что это может быть Кост, – произнес Мальпас. – Он же никогда не появляется в особняке. Спит в собственном домике. Нет причины ему подниматься туда. Кроме того, мысль о Косте, играющем дурацкие шутки с бросанием камней в окна спален и толкающем людей так, чтобы они падали с лестницы, не стыкуется с тем, что мы о нем знаем. Меня он не особенно волнует, но, должен заметить, Кост вовсе не идиот такого сорта.

– Вероятно, – протянул Клайв. – Я могу ошибаться. Была ночь. Я не видел его лица. Он вышел из дома, а потом вернулся обратно. Но это была его походка и манера двигаться. А где, кстати, твой младший брат?

– Отправился поплавать, – ответил Мальпас. – Для меня там слишком холодно. Честно говоря, это место вгоняет меня в гроб. Я устал изображать придурка. Чемпионский класс! Мы никогда не приблизимся к чемпионскому классу в этом идиотском спорте. Честно, я все размышляю, почему до сих пор не скажу тете, что устал от этого, и не уеду домой на следующий день? Я имею в виду, мы все приняли эту штуку как испытание, разве не так? И никто из нас не показал себя достаточно. Более того, – он помахал рукой в сторону южного края спортивного поля и видимого далее горизонта, – я вас спрашиваю! Вы когда-нибудь видели такую адскую унылую пустошь за всю вашу жизнь? Я – никогда. Что ты говоришь, Фрэнк?

– Семестр начинается через неделю, – сказал Фрэнсис Йеомонд, подпрыгивая на кончиках пальцев и затягивая ворот свитера потуже вокруг шеи, поскольку утренний воздух был не только кристально чистым, но и холодным.

– Лично я, – заметил Ричард Кауз, – обнаружил, что очень скучаю по нормальной кровати.

– И Гилари, знаю, сыт по горло тем, что тут творится, – Мальпас выжидающе посмотрел на Клайва Браун-Дженкинса. – Что же мы будем делать?

Клайв Браун-Дженкинс взглянул на него и произнес:

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. Поскольку вы, парни, не сумели добыть место в национальной легкоатлетической команде, то вы хотите, чтобы я тоже отказался от попытки заполучить деньги старой леди, ну просто чтобы составить вам компанию. Однако я должен решительно заявить – у меня нет намерения уходить с ринга. Если вы собираетесь поднять белый флаг, то на здоровье. А я остаюсь. – И его крепкая челюсть выпятилась, как таран.

Фрэнсис заухмылялся:

– Старая леди должна быть дома. Все это огромная куча гнилья. Однако если Браун-Дженкинс собирается копать в ней по-прежнему, то и я так поступлю. Но если этот тип Кост не изменит тон своих замечаний, то следующий прыжок, который я совершу, придется на его жирную морду. Этот тип просто свинья. Хочу сказать, что видел всякое и слышал в свой адрес много разных оскорбительных слов, но этот тип Кост – наглец. Хотя мы здесь не очень надолго, – он негодуя махнул рукой, – однако все же пока тут.

Ричард Кауз, который теперь жевал длинный стебель ревеня, помахал двенадцатью оставшимися дюймами растения.

– Я согласен с кузеном Брауном, – сказал он и повернулся к Фрэнсису Йеомонду. – Должен также признаться, что всякий раз, пытаюсь справиться с ядром, которое должен метать под руководством персоны, именуемой Кост, я делаю это под неправильным углом, не той рукой или попадаю не в ту червячную нору. Однако, – Ричард откусил еще два дюйма ревеня и принялся сосредоточенно жевать, – отважных... чав-чав... мужчин не пугают... чав-чав... клевета

и испытания, они достойно отвечают на них. Более того, сегодня приезжает сестра, так что я точно останусь, пока она тут не появится.

Мальпас Йеомонд задумчиво посмотрел на одного, затем на другого и спросил:

– Кто-нибудь из вас слышал о пьесе Милна «Свекольная каша»?<sup>3</sup>

– Не будь таким грубым, Мальпас, мой дорогой друг, – примирительно сказал Ричард Кауз. – Как насчет небольшого завтрака? Законы спорта требуют, чтобы я был сыт.

---

<sup>3</sup> Первая пьеса А. Милна, поставленная в 1917 году; должно быть, Мальпас имеет в виду, что сначала в ней было три акта, потом два и затем один, и для такого сокращения автору пришлось убрать главного героя. – *Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*

## Глава 5. Неожиданное завершение бесславной карьеры

– Говорю тебе в девятый раз, – воскликнула Присцилла, – что некий человек вошел в мою комнату около часа ночи и кашлянул вполне отчетливо!

Клайв махнул рукой.

– А я говорю тебе девятнадцатый раз, – произнес он, густо намазывая джем на тост, – что, когда я шагнул по лестнице примерно в час тридцать ночи, какой-то нахал уперся обеими руками мне в спину и толкнул меня так, что я отскакивал от каждой ступеньки. – Клайв резко перешел к практическим вопросам. – Стань свидетелем моей истории, Присцилла, а я буду свидетелем твоей.

Лицо Присциллы помрачнело.

– Я верю тебе, Клайв, – проговорила она, разглядывая сидевших за столом кузенов. – Некие очень неприятные события произошли в доме прошлой ночью.

– Есть нечто жуткое в этом особняке, – торжественно провозгласил Мальпас и подмигнул Фрэнсису.

– Это не смешно, – заметила Присцилла, наливая себе вторую чашку кофе и добавляя туда сахар с таким видом, что стало ясно – тема закрыта, в обсуждении поставлена точка.

Однако Тимон Энтони легко поменял точку на запятую.

– А я скажу вам в двадцать девятый раз, что настоящая кровь была на наконечниках тех двух копий или, как утверждает Джо Херринг, на одном копые, которое возникло дважды в одном месте. Кровь, ребята, кровь!

Он промокнул губы салфеткой и зловеще взглянул туда, где сидела мисс Кэддик.

– И один из бедных маленьких зайчиков пропал вчера, – добавил он. – Уверен, это зверь Кост съел его, сначала погрузив копые в его нежное тельце.

– А есть еще одна забавная штука, если вы хотите знать, – сказал Клайв Браун-Дженкинс. – Это история старого железного горшка, ну, в данном случае горшком является кресло тетушки. Кто из вас, девушки, брал его для прогулки без десяти час этой ночью? Я был около деревянной калитки водяного парка примерно около часа ночи.

– Вы не должны смеяться над ним, – заметила Присцилла. – Он слышал, как движется кресло. Я – видела.

– Видели его? – заинтересованно спросила мисс Кэддик, и все повернулись к этой тощей, угловатой женщине. – Правда?

– Да, – кивнула Присцилла. – Луна взошла, и я видела отчетливо. Кто-то находился в нем. И некто... мне кажется, что мужчина... толкал его. Оно катилось быстро, а мужчина позади бежал.

– Я знала, что кресло вывозят по ночам. – Мисс Кэддик вздрогнула и повернулась к Гилари. – Я говорила, вы помните?

– Да, вчера, сестра Кэддик, – произнес молодой человек. – Тогда я вам не поверил, уж извините. Милая кузина, простите меня.

– Нет, я не об этом. Факт подтвердился. – Заглянув в чашку, мисс Кэддик допила то, что там оставалось, посмотрела на часы и поднялась из-за стола. – Вы должны извинить меня. Миссис Паддикет захочет пообщаться с кухаркой, и мне придется сопровождать ее, но сначала помочь ей одеться.

– Я расскажу вам другую любопытную историю, – проговорил Гилари, когда мисс Кэддик удалилась. – Я отправился поплавать этим утром. – Он поднял руку, предупреждая волну братских комментариев, что неизбежно последовали бы за этой простой фразой. – Нет, я вовсе не хочу назвать вас грязнулями. Дайте рассказать! Ну, я нырнул чуть глубже, чем обычно, и пальцы мои коснулись чего-то холодного и влажного.

– Ил, – заявил Фрэнсис.

– Нет, это не может быть ил, – возразил Тимон Энтони. – Старая леди велела вычистить все так, чтобы и следа не осталось, а дно засыпать отборным песком. Побывали бы вы тут, когда все это происходило. В пределах ста футов от вышки не должно быть никакого ила.

– Ну, – продолжил Гилари, – на ощупь оно было словно чье-то лицо. Вы знаете, когда играете в водное поло и толкаете лицо противника ступней...

– Что же это за водное поло, в которое ты играешь? – усмехнулся Ричард Кауз.

– Замолчи, Дик, – попросила Присцилла. – Продолжай, Гилари.

– Это было как лицо, которое трогаешь ступней, только тут я схватил рукой, – объяснил он. – И я действительно думаю, что это была рыба.

– Ага, конечно. Рыба застыла там около дна, чтобы ты своими граблями мог зацапать ее, – улыбнулась Селия Браун-Дженкинс. – Я удивляюсь, что такой парень, как ты, может быть врунишкой.

Шумные одобрения, озвученные представителями семейства Йеомондов по поводу столь открытого выражения их собственных чувств, были прерваны только появлением миссис Паддикет в кресле. Она выглядела раздраженной. Мисс Кэддик, толкавшая кресло, как раз заканчивала предложение, когда они прошли через дверь.

– Конечно, я отослала его, – произнесла она.

– Я должна была думать так же, – пропищала тетушка Паддикет. – Но это не причина, чтобы мне одеваться с помощью Амарис Кауз и кухарки, особенно если миссис Макбрай столь возбуждена потерей ее личной и почти новой веревки для белья!

– Амарис? – воскликнул Ричард. – Вы же не сказали «Амарис», тетушка? Ведь нет?

Старая леди обратила хищные желтые глаза в его сторону.

– Мне никогда не говорили, что у меня плохая артикуляция, племянничек, – пробурчала она. – Ты найдешь сестру в парке с водяными растениями. Я предложила ей завтрак. Она отказалась. Я попросила ее объясниться. Она посмеялась надо мной. Выглядит все так, что сразу после трех часов ночи она прибыла на пригородном поезде на станцию Лонгер, после чего пешком добралась до дома. Она говорит, что не ждала, что ее пустят внутрь, и бродила вокруг, пока не нашла открытую дверь в одну из построек на территории, и там, – резкий голос миссис Паддикет становился все выше и выше, – она и спала. Спала! С широко распахнутой дверью!

– Это было ради здоровья, тетя, – произнесла Амарис Кауз из дверного проема.

Она зашла внутрь – руки в карманах трикотажного костюма, на ногах – большие ботинки для пеших прогулок, черные волосы коротко острижены. Лицо ее было умным, но некрасивым, темно-синие глаза смотрели сурово. Челюсти у нее выглядели как у чемпиона по боксу, зато руки, когда Амарис вынула их из карманов, чтобы взять сигарету, предложенную ей братом, оказались исключительно тонкими и изящными.

– Спасибо, Дик, – кивнула она, когда он убрал зажигалку обратно в карман. Улыбнувшись, Амарис поздоровалась с присутствующими.

Мальпас Йеомонд уступил ей свое кресло, Селия налила кофе, а Клайв позвонил в колокольчик, чтобы принесли горячей еды. Тимон Энтони отклонил свой стул назад и некоторое время разглядывал гостью с большим интересом. Наконец он вернул стул в нормальное положение и небрежно заметил:

– Та самая Новая Женщина.

– Собственно говоря, – заметила Амарис Кауз, – я рассматриваю себя как прямое воплощение Лилит, легендарной супруги нашего великого праотца.

– Фривольно, – пропищала тетушка Паддикет, которая отказывалась быть только задним фоном при столь невероятно живописной фигуре.

Амарис Кауз обратилась к ней:

– Тетя, после завтрака я хочу еще раз посмотреть на парк, но в компании человека, который знает его по-настоящему хорошо. И скажите мне, кто тот древний римлянин с мечом? Неужели один из Горациев, обороняющих мост?

Она сделала паузу. Миссис Паддикет промолчала. Ее желтоватые глаза с подозрением разглядывали этого гадкого утенка, который, очевидно, имел в себе немало от лебедя.

– Парк с водяными растениями, – продолжила Амарис Кауз, вынув сигарету изо рта и делая выразительный жест левой рукой, – он хранит в себе душу, тетя.

Она вернула сигарету на место, взяла у служанки тарелку почек и бекона и прихватила кусок хлеба с блюда, предложенного Гилари.

– Выкини эту штуку и займись завтраком, – посоветовала Селия. – Ты же умираешь с голоду.

Амарис Кауз вынула сигарету, взглянула на нее, а затем выбросила в открытое окно. Улыбнувшись Селии, она взялась за вилку и нож.

– Так и есть, – подтвердила она.

Всегда интересно смотреть, как едят другие люди. Йеомонды, два Браун-Дженкинса, ее брат Ричард и даже тетушка Паддикет и мисс Кэддик следили за движениями Амарис, пока та расправлялась со щедрой закуской. Когда же она отказалась от четвертой чашки кофе, вошла служанка и что-то прошептала на ухо мисс Кэддик.

– Ну и ну! – воскликнула та. – Попроси его пройти в библиотеку.

– Кого? – раздраженно спросила тетушка Паддикет.

– Джейн говорит, что пришел сержант из полиции Макит-Лонгер, – ответила мисс Кэддик. – Они, похоже, потеряли человека по имени Джекоб Хобсон. По меньшей мере – его жена. Так неудобно, конечно, когда чей-то муж пропадает на уик-энд.

– Потеряли? – воскликнула тетушка Паддикет. – И что, они полагают, я его нашла? Иди туда немедленно, компаньонка, и отправь сержанта прочь. Что за чепуха – являться сюда за каждым пьяным и грязным мужланом из деревни! О чем вообще думает констебль Коппл, позволяя теряться всяким типам?

– Не знаю, миссис Паддикет. Я схожу и спрошу, – с готовностью откликнулась мисс Кэддик.

– Отправь сержанта ко мне. Я поговорю с ним, – заявила старая леди, гневно хлопая по подлокотникам кресла. – Как смеет он являться в мой дом, преследуя своих нелепых злодеев!

Вскоре мисс Кэддик вернулась, ведя сержанта, красного и распаренного, поскольку он только что ехал на велосипеде слишком быстро, рано после завтрака, взбираясь на крутой склон.

– Итак, сержант, – прорычала тетушка Паддикет.

– Ну, мадам, – произнес полицейский, вытирая лицо, – все обстоит следующим образом. Полицейский констебль Коппл из этой деревни позвонил нам час назад и сказал, что Джекоб Хобсон, также из этой деревни, отсутствовал дома после чая вчерашним вечером и они не могут найти его нигде.

– Но что... – начала старая леди.

Сержант поднял большую красную ладонь.

– Одну минутку, мадам. У нас есть доказательства, чтобы предьявить, что этот Хобсон находился в баре... в том заведении в деревне до примерно четверти десятого вечера. Затем он выразил намерение отправиться сюда и высказать жалобу по поводу состояния крыши его дома, который расположен на вашей земле, и по этой причине надеялся, что вы сделаете что-нибудь для ее починки. Хобсон был замечен надежными свидетелями в процессе движения в этом направлении. Он был изрядно пьян, мадам, согласно тем же свидетелям, и предположение его жены в том, что он мог свалиться в ваш пруд.

– Упал в пруд? – пропищала тетушка Паддикет решительно. – Тогда его жена может считать, что ей повезло! Пьяница и браконьер, бесстыдный грубиян, бывший свою жену, – вот это все о нем!

– А вы думаете, что Хобсон действительно упал в пруд, сержант? – поинтересовался Тимон Энтони.

– Ну, сэр, есть шансы, что так и случилось. Его жена уверяет, будто именно это и произошло. Констебль Коппл попросил, чтобы мы явились сюда со снаряжением и получили разрешение пройти ваш пруд с драгой. Надеюсь, нет возражений? – Полицейский обратился к миссис Паддикет. – Вы же понимаете, – добавил он тактично, – если он упал в пруд, то рано или поздно всплывет, так что лучше бы это было сейчас.

– У меня есть возражения! – вскричала старая леди. – Но сделайте это! Сделайте! Амарис Кауз, пошли со мной, будем смотреть на водяной парк!

– Отпускайте сцепление, компаньонка Кэддик, – прошептал Гилари в адрес «двигателя» кресла, и мисс Кэддик, очень бледная, осознала, что обращаются к ней, и вывезла тетушку Паддикет на террасу.

Мальпас повернулся к сержанту.

– Нет нужды затевать большую суматоху, если она вам особо не нужна, конечно, сержант, – добродушно сказал он. – По меньшей мере, сначала. Один из нас поднимется на вышку для прыжков в воду и посмотрит вниз. И тогда, если труп не унесло к водорослям ниже по течению, мы легко обнаружим его... если он есть. Но тело... Эй-эй! Что там с тобой? – Мальпас взглянул на младшего брата.

– Он там! Он там! Он утонул, это точно! – забормотал Гилари, белый, как мел. – Я... я нырнул прямо на него перед завтраком! Я знал, что это лицо! Это не могло быть что-либо иное! Труп! Ух!

В ботинках на резиновой подошве, в свитере поверх спортивной майки, со светлым рюкзаком за плечами и под наблюдением небольшой группы заинтересованных зрителей – в их числе был сержант из Макит-Лонгер, констебли Уайт и Уиллис, также из Макит-Лонгер, констебль Коппл, мрачный деревенский полицейский, семейство Йеомондов, Селия и Клайв Браун-Дженкинсы, Ричард Кауз, Тимон Энтони, тренер Кост, Джозеф Херринг, мальчишка на побегушках, мисс Кэддик и садовник – Мальпас вскарабкался на вышку для прыжков.

Утвердившись на верхней площадке, он проверил, как пружинит доска, и осторожно дошел до ее края, чтобы оттуда взглянуть в воду.

– Я вижу его! – закричал Мальпас. – Прямо на дне!

В тот же самый момент крик, донесшийся со спортивного поля, привлек всеобщее внимание, и бегущая Амарис Кауз появилась у калитки. В следующий момент она очутилась на берегу пруда.

– Сержант, – воскликнула она, обращаясь к главнокомандующему операцией, – вы должны найти статую русалочки! Ее украли из водяного парка. Тетушка сильно обеспокоена по ее поводу.

– Одна вещь за раз, мадам, одна вещь за раз, если позволите, – недовольно сказал сержант. – Сейчас мы пытаемся найти тело. Мы не можем управиться с более чем одной вещью за раз.

Он поглядел вверх, на Мальпаса – тот уселся на край доски и болтал ногами.

– Бросайте их, сэр! – крикнул полицейский.

Мальпас вытащил из рюкзака несколько кусков белого камня – остатки мостовой для водяного парка тетушки Паддикет – и, прицелившись, швырнул их вниз, в воду. Потом вернулся на землю и отправился в кабинку для переодевания в компании тренера Коста. Через

несколько минут они появились оттуда уже в плавательных костюмах и заняли позицию согласно указаниям сержанта.

– Он там, – сообщил тот. – Видите его? Я заметил его сразу, когда вы начали швырять камни.

Мальпас кивнул, глянул на тренера, и по очевидному, но недоступному зрителям сигналу два отличных пловца нырнули в ледяную воду. Через секунду их головы показались на поверхности.

– Нашел пропавшую статую, я думаю, – буркнул Мальпас, глубоко вздохнул и ушел на дно снова, на сей раз с острым ножом, который бросил сержант.

– Придется отрезать его от предмета, который использовали, чтобы утяжелить тело, – объяснил девушкам Тимон Энтони. – Может, вам обеим лучше уйти отсюда? Вряд ли вы захотите увидеть то, что появится на поверхности. Это не будет так уж красиво.

Прежде чем Селия или Присцилла ответили – прежде чем они смогли до конца осознать мрачную подоплеку слов Тимона, – сержант неожиданно предположил, что все участники «домашней вечеринки», кроме самого Энтони, должны отправиться по своим делам. Он сопроводил эту краткую просьбу некими смутными ремарками насчет песен, танцев и кукольного шоу.

Энтони он удержал при себе. Во-первых, как представителя миссис Паддикет, хозяйки дома, и, во-вторых, как человека, способного идентифицировать тело, если оно действительно принадлежало Хобсону.

Маленькая толпа рассосалась, и как раз вовремя, чтобы перехватить кресло тетушки Паддикет, которое на сей раз толкала Амарис Кауз. Они убедили старую леди, во многом против ее воли, вернуться в дом.

– Но это Хобсон? – желала знать она.

Это, несомненно, был Хобсон – и констебль Коппл, и Тимон Энтони опознали тело без колебаний.

– Понятно, как он погиб, – проговорил сержант, когда два пловца, замерзшие и уставшие, отправились переодеваться. – Переверни его, Уиллис.

Констебли Уайт и Уиллис наклонились и перевернули сырой, уродливый и жалкий предмет лицом вниз. На вершине его черепа виднелась вмятина, оставленная сильным ударом.

– Чего я не могу понять... – начал сержант, хмурясь, а затем остановился и взглянул на Тимона Энтони.

– Разве я не ухожу? – произнес молодой человек. – Все, ухожу. Что-нибудь передать тете?

– Вы можете сообщить ей правду, если вам будет угодно, – отозвался сержант, понимая, что очевидное легкомыслие реплик Энтони было порождено озорством, а вовсе не бесчувственностью. – Только полегче, сэр. Она в приличном возрасте, не забывайте. Повезло, что это не кто-либо из семьи. И все же ничего хорошего, когда прямо у тебя под носом совершилось убийство. – Он посмотрел вниз, на тело. – Этот тип был тем, без кого легко обойтись. Коппл, вы послали мне сообщение и, возможно, объясните вдове, что произошло. Наверняка она будет рада избавиться от неопределенности.

– Она будет рада избавиться не только от этого, – с пророческой мрачностью изрек сельский полисмен.

Сержант еще раз осмотрел труп.

– Ну а мне надо выяснить, как тебе раздробили тыкву, мистер, – пробормотал он себе под нос, – поскольку, не имея опыта дел об убийствах, не понимаю, каким инструментом можно превратить в такую вот кашу голову человека, чтобы мне лопнуть! Однако послушаем, что скажет медик.

## Глава 6. Тетушка Паддикет счастлива

Миссис Хобсон приняла новость о смерти мужа без видимого волнения. Худощавая, измученная, несчастная на вид женщина молча выслушала все скандальные подробности в изложении констебля Коппла, только заметив в конце устало:

– Ну, мистер Коппл, вы лучше всех знаете, как он обращался со мной. Какой смысл притворяться, будто мне его жаль? Нет, мне не жаль. Я рада.

Констебль с пониманием покачал головой, собрался уходить, но в последний момент обернулся, вращая шлем в больших красных ладонях.

– Смотри, Джени, – произнес он, – не пойми неправильно то, что я сейчас тебе скажу. Только я бы не стал особо тут расхаживать и сообщать всем подряд, что ты рада тому, что Джекоба больше нет. Думай о том, что будешь говорить, когда инспектор и сержант из Макит-Лонгер придут сюда расспрашивать. А я уже видел их на улице только что.

Едва констебль удалился, озвучив это дружеское предупреждение, как инспектор и сержант постучали в дверь. Миссис Хобсон позволила им войти, отряхнула от пыли два стула и встала робко перед ними – огрубевшие от работы руки сложены на фартуке, – ожидая, пока полицейские разместятся с комфортом.

– Садитесь, пожалуйста, миссис Хобсон, – сказал инспектор. – Дело неприятное, и мы пройдем через эту его часть так скоро, как только сможем. Вы должны отвечать на мои вопросы быстро, но думайте, что говорите.

После этой прелюдии он изложил все, что она и так уже знала, по поводу событий, приведших к убийству ее мужа. Затем инспектор зачитал ей то, что она утверждала ранее.

– Итак, миссис Хобсон, вы знаете кого-либо, кто точил зуб на вашего мужа?

Но она не вспомнила никого.

– Полагаю, я единственная, сэр, – спокойно сообщила она. – Джекоб был веселым парнем, который всегда громко смеется, когда он с приятелями. Деньгами распоряжался свободно. Я никогда особенно их не видела. Пятница была для него вроде как королевским днем в пабе. Ему платили по пятницам, ну вы знаете.

– У него было что-то на уме? Ведь он приходил домой к чаю, вы сказали.

– Джекоб много болтал насчет крыши. Какая она плохая, и как он подхватил пневмонию из-за нее, и что бы он сказал старой миссис Паддикет там, в доме, когда отправится поговорить с ней об этом. Как именно он пойдет туда вот прямо сейчас, не сходя с места, но только после того, как выпьет немного, поскольку не понимает, почему он должен терять вечер и лишать себя своей капельки пива... А затем кучу всего по поводу того, что такого честного рабочего человека, как он, должны знать лучше в Макит-Лонгер, где Джекоб работал эти два месяца, красил новые дома... и так далее, и так далее, пока у меня от его трепотни не началась головная боль.

– Что навело вас на мысль, что он может свалиться в пруд миссис Паддикет?

– А, сэр, это вышло так. Когда часы пробили полночь и не было следа Джекоба, трезвого или пьяного, я подумала, что его забрал мистер Коппл за плохое поведение, или он упал в канаву, или еще он мог пойти туда, в дом, и там забрести напрямиком в пруд. Конечно, я не надеялась на такое. Я только думала, что это должен быть большой пруд, где утонут все мои печали.

Инспектор усмехнулся и после паузы, потраченной на размышления, неожиданно спросил:

– Умешь ли ты плавать, женщина?

– Нет, сэр! – воскликнула миссис Хобсон, очевидно шокированная.

Инспектор сделал пометку в блокноте, захлопнул его и информировал хозяйку дома, что она будет нужна во время расследования. Потом он покинул коттедж вместе с сержантом.

– Это она, без сомнений, – мрачно пробормотал он, пока они шли по деревенской улице. – Только вот она, разумеется, не могла этого сделать.

– Неизвестно, – сказал сержант. – У нее нет алиби, вы заметили это, сэр, полагаю?

– Алиби? Разве женщине вроде этой нужно алиби? Оно написано прямо у нее на лице крупными буквами.

– Она пришла в дом Коппла только после двенадцати часов ночи, сэр, – не сдавался сержант. – А это было через два часа после того, как Хобсона убили. Так считает доктор. Это требуется обдумать. Алиби у нее может быть или может не быть... Оно не имеет значения... Но у нее есть мотив для убийства! Привык поколачивать ее, и неслабо, тот тип. Я слышал это от Коппла и других.

– Это что, ты думаешь, женщина ростом около пяти футов, весом около семи с половиной стоунов<sup>4</sup> ударила такого здоровяка, как Хобсон, по голове достаточно сильно, чтобы проломить ему череп так, как ты проламываешь кончик яйца чайной ложечкой! Если бы она решила отколошматить мужа, то взяла бы кочергу и лупила бы его, когда он сидел в кресле. Хотя женщина вроде этой, вероятно, столкнула бы его со ступенек, или ткнула бы в ребра столовым ножом, или, скорее всего, отравила бы его жратву. Невозможно представить, чтобы она последовала за мужем к Лонгеру, подождала, пока он не окажется прямо под окнами, и только потом шарахнула его по голове... мы до сих пор не знаем чем, но чем-то изрядно тяжелым и, если верить доктору, тупым, даже закругленным. Не забывай, что Джекоб Хобсон был на шесть или семь дюймов выше, чем жена. Не так-то легко ударить по-настоящему сильно по голове того, кто настолько выше тебя. Затем, смотри, как могла женщина таких габаритов протащить мужа, весившего полных двенадцать стоунов, через спортивную площадку и два поля до пруда? Это невозможно. А еще подумай и о трупe в воде. Миссис Хобсон не умеет плавать, так что, я полагаю, ей пришлось бы взять мертвого мужа и бросить его на двенадцать ярдов десять дюймов вот так легко! Потом она направилась обратно в парк за статуей русалочки, которая весит семьдесят шесть фунтов, семь и три четверти унции, и швырнула ее так, чтобы прижать тело? Ну да, поскольку она не умеет плавать, то использует заклинание, чтобы привязать труп к статуе с помощью семи ярдов крепкой веревки. Я надеюсь также, что ты заметил – одна из веревок из спортзала пропала. Да, именно так все и было... а потом она проснулась.

Сержант добродушно улыбнулся.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, сэр, – произнес он. – Но я только хотел заметить, что у миссис Хобсон есть мотив. И никакого алиби, сэр.

– Репортеры, – сказала тетушка Паддикет, – это – спортивная площадка. Объект слева от вас – яма для прыжков в длину, а фигура на переднем плане – мой внучатый племянник Фрэнсис Йеомонд. Идея спортивной площадки, репортеры... – Она замолчала и, наклонившись вперед в кресле, зонтиком, с которым редко позволяла себя разлучить, ткнула в бок одного из журналистов.

Мисс Кэддик испуганно вздохнула и, спешно переключив передачу, оттащила кресло на пару ярдов назад. В ее понимании представители прессы были почти священны. Именно так она о них и сказала, без настойчивости, но уверенно.

– Компаньонка, не будь дурой! – пропищала тетушка Паддикет, весьма разозленная тем, что ее лишили законной добычи. – Мальчишка справа меня не слушает!

---

<sup>4</sup> Английский стоун – 6,35 килограмма; так что вес миссис Хобсон около 45 килограммов.

– Нет, миссис Паддикет, – успокаивающе произнесла мисс Кэддик, – но мы должны подумать о *habeas corpus*!<sup>5</sup> А сейчас вы наверняка немного устали. Не желаете ли вернуться в дом и отдохнуть?

Тетушка Паддикет презрительно усмехнулась на это разумное предложение.

– Инспектор и сержант явятся сюда снова вечером. Следствие в понедельник, – сообщила она. – Я отправила миссис Хобсон пять фунтов. Статуя русалочки была извлечена из глубин племянником Мальпасом Йеомондом этим утром. Мне нравится буква «У», потому что убийство<sup>6</sup>. «Пайпа проходит мимо»<sup>7</sup>, – закончила тетушка Паддикет с большим удовлетворением.

Мисс Кэддик, серьезно увлекавшаяся тем, что она сама всегда именовала английской литературой, не знала, что делать с этим удивительным *te deum*<sup>8</sup>. Поэтому решила ограничиться слабой улыбкой и кивком, чтобы показать: она опознала все упомянутые тексты. Затем мисс Кэддик повернула кресло в сторону дома, в то время как репортеры остались нарезать круги вокруг того, что они уже нарекли Гиблым прудом.

У тетушки Паддикет была привычка: когда что-то вызывало ее особенное удовольствие, она бормотала с благочестивым видом: «Бог в своих небесах – и в порядке мир!»<sup>9</sup> Когда же сознание информировало старую леди, что все это веселье покоилось на ложном фундаменте из зависти, ненависти, злобы или любых других мерзких человеческих эмоций, которые ее поколение считало смертными грехами, она обычно громко восклицала: «Пайпа проходит мимо!»

Это высказывание означало то же самое, что и приведенная выше цитата; было кодом, гласящим о большой духовной истине; и обладало, как это обычно бывает со многими другими кодовыми фразами, бесценным преимуществом – непостижимостью для случайного человека.

Доставив хозяйку в компанию к Амарис Кауз, которая обещала научить тетушку Паддикет новой разновидности пасьянса, мисс Кэддик отправилась искать Джозефа Херринга. Проныра чистил кроличьи клетки. Кролики щипали молодую весеннюю травку около его ног. Новичок, оставшийся пока без клички, прижился среди сородичей без проблем и, подобно своим компаньонам, активно и решительно питался.

– О, Херринг, – сказала мисс Кэддик, – вы должны отправиться в дом и унести кресло. Миссис Паддикет оно не понадобится до завершения ленча. Будьте добры сделать это немедленно.

Джо кисло посмотрел на нее.

– Хо! – воскликнул он воинственно. – Я сделаю, ведь так? Но что насчет кроликов? Должен ли я перестать чистить клетки? Вы знаете лучше, конечно. – И он вернулся к работе, насвистывая себе под нос.

– Херринг, – продолжила мисс Кэддик, – вы знаете, как миссис Паддикет не нравится вид кресла, когда оно не используется. Я только повторяю ее приказы.

Она повернулась и ушла прочь. Джо зачерпнул полную лопату опилок и рассыпал их по полу клетки, которой он занимался. Потом взял пучок соломы и принялся вытирать руки.

Мисс Кэддик, стоявшая у калитки огорода, обернулась в его сторону. Проныра поймал ее взгляд и, чтобы избежать его, наклонился и стал поднимать кроликов, чтобы аккуратно поместить их в клетки. Когда он поднял голову, мисс Кэддик уже исчезла.

---

<sup>5</sup> Право подозреваемого быть доставленным в суд для вынесения приговора в англосаксонском законодательстве (*лат.*).

<sup>6</sup> Тетушка Паддикет пародирует английскую детскую считалку, посвященную буквам английского алфавита.

<sup>7</sup> Пьеса Р. Браунинга.

<sup>8</sup> Первая строчка религиозного гимна «Тебя, Боже, хвалим...» (*лат.*).

<sup>9</sup> Цитата из пьесы «Пайпа проходит мимо».

– Хо! Ведь ты заметила нового тоже, ах ты? – яростно пробормотал он себе под нос. Посмотрев с ненавистью в заросли, Проныра точно плюнул в половинку кокоса, которую его враг повесил в качестве поилки для птиц на низкой ветке ближайшей яблони.

– Ты должен держать их подальше от цветочных грядок, – громко заявила старая тетушка Паддикет. – И не помогай им вообще ни в чем. Мне вовсе не хочется, чтобы этот убийца был пойман.

– Но я верю, тетя, что вы считаете достойным наказания преступлением попытки отказать полиции в получении информации. – Ричард Кауз, прятанный по карманам запасы раннего лука и моркови, которые он добыл на огороде, и старавшийся выглядеть весьма невинно, поскольку находился в гостинной старой леди, говорил серьезно.

– Чушь, племянник! – вскричала тетушка Паддикет. – Ты меня неверно понял! У нас нет никакой информации для них! Если у нас нет такой информации, то мы ни в чем и не отказываем. Отправляйся на тренировку! Как далеко ты кидаешь ядро?

Выражение лица Ричарда не изменилось.

– Если быть точным, – мрачно сказал он, – я бросил его себе на ногу в последний раз, когда пытался. Больно, тетушка.

Фрэнсис Йеомонд присоединился к беседе.

– Не желая вступать в противоречие с вашим мнением, тетя, – заметил он в своей идеальной учительской манере, – я бы все же хотел указать, что преступление против общества было совершено на этих землях и наш долг как граждан – предать виновника в руки правосудия.

– Правосудия – да, – кивнула тетушка Паддикет. – В пасть закона – вовсе нет. Говорю вам всем, племянники, тебе, Тимон Энтони, и тебе, компаньонка Кэддик, что если бы я знала имя человека, уложившего того Хобсона, то отправила бы всех остальных домой к матерям и отцам и сделала бы убийцу наследником. Это должна быть персона строгих религиозных взглядов и выдающейся телесной крепости.

– Вперед! Сознайся же, порождение ада, – прошептал Тимон Энтони на ухо Гилари Йеомонду. – Я бы и сам признался, но она мне не поверит.

Неожиданно в окне появилось лицо сержанта. Мальпас открыл раму на всю ширину, и полицейский, предварительно сняв фуражку, переступил через низкий подоконник, чтобы оказаться в комнате.

– Прошу прощения за вторжение, мадам, – почтительно обратился он к миссис Паддикет, – но мы поставили человека в парке, и я передаю вам комплименты инспектора и то, что он будет рад, если каждый человек, выходящий из дома в этом направлении, держался бы главной дорожки и не трогал улики.

– Улики, – с горячим интересом произнесла Селия Браун-Дженкинс. – Как волнующе! Там есть кровь, сержант?

– А еще инспектор был бы рад, мадам, если бы ему предоставили комнату для допроса некоторых обитателей домохозяйства и слуг по поводу «событий ночи пятницы», – продолжил сержант, стоически не обратив внимания на то, что он считал легкомысленным и ненужным вопросом.

– Сержант, – сказала миссис Паддикет, – инспектор может получить любую комнату, которую только пожелает.

– Тогда, если это удобно, он бы хотел ту, в которой мы сейчас находимся, мадам. Это было бы вполне подходяще, поскольку из нее видно сцену преступления, как легко заметить.

Первой «жертвой» инспектора стала Селия Браун-Дженкинс, второй – Присцилла Йеомонд. Обе девушки повторили уже ранее озвученные истории, а потом ответили четко, разумно и без колебаний на вопросы, заданные инспектором Блоксхэмом.

Удовлетворенный таким положением дел, он послал за Гилари Йеомондом.

– Итак, мистер Йеомонд, – начал Блоксхэм ободряюще, – я бы хотел знать обо всех ваших перемещениях в ночь преступления. Простое перечисление, пожалуйста. Необходимо выяснить, где все находились и что делали, а затем мы приступим к работе.

Гилари призадумался.

– Ну, – сказал он, – обед был в обычное время, а потом я оставался здесь. Мы завели граммофон и танцевали. Это все. Я ушел из дома в двадцать минут двенадцатого вместе с братьями.

– Почему вы столь уверены относительно времени вашего ухода, мистер Йеомонд?

– Мы хотели веселиться чуть подольше, но Фрэнк вспомнил, что калитку из водяного парка запирают в половину двенадцатого, а это единственный способ выйти, если не пробираться через кухню. Мы сверили часы и решили, что нам надо идти.

– Понимаю. Тогда на данный момент это все, мистер Йеомонд. Я бы хотел увидеть следующим мистера Фрэнсиса Йеомонда, и, возможно, вас не затруднит сообщить мистеру Мальпасу, чтобы он был готов последовать за мистером Фрэнсисом.

Истории, рассказанные Фрэнсисом и Мальпасом, не отличались от того, что поведал Гилари. Все три брата ушли из дома через террасу и парк, и никто из них не видел и не слышал ничего подозрительного по дороге к домикам. Мальпас нашел Ричарда Кауза мирно читающим, с книгой на коленях. Фрэнсис был неким образом озадачен фактом, что Клайв Браун-Дженкинс отсутствовал всю ночь, но решил, что тот, вероятно, ушел на собачьи бега с Тимом Энтони и они решили переночевать в отеле. Сам он отправился в кровать сразу после возвращения, дверь прикрыл, но не запер и не закрыл на засов. На вопрос, почему так, объяснил, что они не запирают дверь на ночь, ведь, с одной стороны, в домике нет ничего ценного, а с другой – единственным освещением внутри служила масляная лампа. Они решили, что в деревянном сооружении может начаться пожар и лучше ничем не затруднять путь наружу на случай опасности.

Затем для допроса пригласили Клайва Браун-Дженкинса. Инспектор подозрительно посмотрел на него и поинтересовался, почему молодой человек скрыл факт, что сопровождал Энтони на собачьи бега.

– Я ничего не скрывал! – гневно возразил Клайв. – Я не ходил на собачьи бега с Энтони. У меня не было никакого намерения туда отправиться. Он хотел ускользнуть сразу после обеда, не привлекая внимания миссис Паддикет, поскольку она ненавидит собак. Энтони спросил меня, не могу ли я подбросить его до станции в Макит-Лонгер на моем велосипеде. Конечно, я согласился, и без двадцати девять мы нашли какое-то объяснение, чтобы ускользнуть.

– Обед был закончен, мистер Дженкинс?

– Да. Присутствующие баловались с орехами и прочим. Было легко удрать.

– Вы вдвоем отправились на станцию в Макит-Лонгер на вашем велосипеде? Сколько времени это у вас заняло?

– Он хотел успеть на девять десять. Мы легко успели. Были там за шесть минут до начала. Потом я покатил домой и зашел обратно в дом. И я уже сообщил вам обо всем, что случилось позднее.

– Да, но почему вы не рассказали мне про историю с велосипедом? Это может быть важно. Разве вы не понимаете, что мы не можем поймать Энтони за хвост в то время, когда было совершено преступление? И мне бы хотелось увидеть его следующим.

Энтони появился с нарциссом в петлице, тихо напевая веселую мелодию.

– Итак, инспектор, – произнес он. – Наручники готовы?

– Пока нет, мистер Энтони, – ответил Блоксхэм, оценивающе разглядывая собеседника. – Но, полагаю, за этим дело не станет.

– Знаете, что я думаю? – Энтони уселся на стул, а потом наклонился так, что задние ножки стула поднялись, а сам он оказался чуть ближе к инспектору. Голос его понизился до доверительного шепота. – Я верю, что старая леди проделала все это сама.

Инспектор моргнул, но промолчал.

– Ну, так или иначе, – продолжил Энтони, поняв, что его залп ушел в «молоко», – ей очень не хочется, чтобы убийцу раскрыли. Она собирается оставить ему свои деньги.

– Мистер Энтони, – проговорил Блоксхэм, глядя в лицо молодому человеку. – Как получилось, что Уайт Леди побила Стар Стэй? Забавная штука, да.

Энтони опустил голову и усмехнулся:

– Вы не поймаете меня таким образом. Вы же знаете, что эти собаки не участвовали в бегах в пятницу вечером.

– Разве нет, мистер Энтони? – Голос инспектора звучал мягко. – Вы уверены? А куда вы ездили в пятницу вечером, на какой стадион?

– Уайт-Сити.

– В самом деле? – уточнил инспектор, изображая заинтересованность в ответе. – Никогда бы не подумал. Все выглядит так, будто вы добрались туда как раз к тому времени, когда они закрываются на ночь, разве нет?

– Я прибыл к концу шоу, если это то, к чему вы ведете, – отозвался Энтони, вынул нарцисс из петлицы и выкинул в открытое окно. – Почти к завершению. Откровенно говоря, я толком и не видел ничего. Так что я не знаю кличек собак.

– На каком поезде вы вернулись домой?

– Был в Макит-Лонгер в два шестнадцать, – торопливо ответил Энтони. – Конечно, мне пришлось идти пешком со станции, так что я оказался тут около трех часов.

– А как вы попали в дом?

– Я не попал. Спал в спортзале.

– Неужели? А кто подрезал вторую длинную веревку, мистер Энтони?

– Не понимаю, инспектор.

– У вас было освещение в спортзале, мистер Энтони?

– Освещение? Нет.

– Благодарю вас, мистер Энтони. Вы же не покинете дом в ближайшие часы? Я думаю, нам позднее придется побеседовать снова. И тогда, возможно, вы расскажете мне, чем вы на самом деле занимались между девятью часами четырьмя минутами вечера, когда мистер Дженкинс высадил вас на станции, и тремя утра, когда, по вашим словам, вы прибыли в дом. Вы думаете... – он на мгновение замолчал и посмотрел в бесстыжие глаза Энтони, – вы действительно считаете меня недоумком? Однако я не столь глуп, как вам кажется. Я знаю, что вы не ездили в Лондон на девять десять вечером пятницы. Вы находились здесь задолго до трех часов. И я знаю, что между названными вами интервалами во времени в водяном парке произошло убийство.

– В водяном парке?

Залихватский вид и насмешливый тон Энтони исчезли так же бесследно, как и нарцисс из петлицы. Инспектор встал, его тяжелая рука опустилась на плечо Энтони и потянула, вынуждая сначала подняться, а затем шагнуть к окну.

– Удар вроде того, каким убили Джейкоба Хобсона, – сказал Блоксхэм, – вызывает сильное кровотечение. Подойдите и посмотрите.

Он вытащил молодого человека на террасу и повел вниз по каменным ступеням. Около лестницы инспектор повернул в сторону, они оказались на выложенной камнями дорожке, окружавшей недостроенный пруд для золотых рыбок. Невольно Энтони бросил взгляд через размеченный по линейке парк на другой пруд. Русалочка снова красовалась на месте, с улыбкой, напоминавшей о Моне Лизе.

Энтони невольно вздрогнул: это изваяние видело, как убивали человека! Он услышал, что инспектор обращается к нему, а суровый констебль, поставленный на страже в парке, находится рядом. Выглядел тот не агрессивно, однако неожиданно Энтони ощутил, что ему угрожает само присутствие этого человека, почувствовал себя так, словно Закон уже положил руку ему на плечо.

– А теперь, мистер Энтони, – произнес инспектор, – что вы скажете об этом?

Он нагнулся и поднял угол большого и тяжелого куска брезента, закрывавшего еще не оборудованный пруд. Белое цементное дно, пока не знавшее воды, было в темных пятнах.

– Кровь, мистер Энтони, из головы трупа, – объяснил Блоксхэм, после чего аккуратно вернул брезент на место. – Итак, что мы должны думать об этом? – продолжил он. – Я серьезно, мистер Энтони. Хочу услышать, – они уже шагали обратно, плечом к плечу неспешно поднимались по каменным ступеням, – что вы думаете насчет картины, которую увидели?

Энтони нахмурился:

– Я бы сказал, что это деяние человека, знающего дом достаточно хорошо, знающего, где находится пруд, что он не оборудован и покрыт, и...

– Могло быть делом рук одного из садовников, которых наняла миссис Паддикет... люди из фирмы Бака, как я помню, – произнес инспектор. – Вы об этом?

– Конечно, – кивнул Энтони. – Им известно об этом парке больше других, я полагаю, правда ведь?

– И тем меньше причин для того, чтобы кто-либо из них выбрал это место в качестве арены убийства, – заметил Блоксхэм, перешагивая через низкий подоконник гостиной обратно в комнату. – Человек, который постоянно имеет дело с брезентом и цементными бассейнами и знает этот парк с водяными растениями не хуже, чем комнату в собственном доме, ни на мгновение не усомнится, что я загляну под это «покрывало» в поисках следов преступления. Он поймет, что я обязательно загляну, поскольку сам поступил бы так же. Человеческий разум – очень интересная субстанция, мистер Энтони. И теперь, – он подождал, пока молодой человек приблизится к нему, – будьте вежливым и разумным, поведайте мне, где вы находились и что делали между девятью часами вечера пятницы и половиной второго ночи субботы.

– Итак. – Энтони нервно откашлялся. – Я признаю, что не ездил на собачьи бега. Не забирался дальше станции Макит-Лонгер. Да, я намеревался обмануть Браун-Дженкинса и вас. Но чем я занимался после того, как Браун-Дженкинс высадил меня на станции, – мое личное дело, и я не желаю о нем говорить.

Инспектор внимательно посмотрел на него.

– Очень хорошо, мистер Энтони, – произнес он. – Очень хорошо. Это свободная страна – до определенной степени, конечно.

## Глава 7. Инспектор Блоксхэм раздосадован

– Мне это не нравится, – сказал Блоксхэм.

– Да, сэр. – Сержант осматривал участок и растущие на нем деревья.

Затем он прочистил горло и с горечью проговорил:

– Главный констебль уже зовет Скотленд-Ярд на помощь, хотя мы даже не учуяли запаха убийцы. Что насчет Коста, мистер Блоксхэм?

– Да, – кивнул инспектор, и небольшая складка, всегда возникавшая на его гладком лбу при упоминании Скотленд-Ярда, исчезла, – да, очевидно, что Коста нельзя исключать из списка подозреваемых.

И они отправились в домик тренера, чтобы тщательно допросить его.

– И еще, – сержант горел желанием помочь; они пересекли юго-западный угол стадиона и обогнули яму для прыжков в длину, – есть, конечно, мисс Кауз.

– Мисс Кауз? – Инспектор прошел через калитку, ведущую к нижнему полю, и посмотрел на коллегу с удивлением. – Что вы имеете в виду?

– Сэр, к чему бы это все было – ну, что она приехала сюда ночным поездом в столь раннее время?

– Я полагаю, что в это время и ходят такие поезда, – заметил Блоксхэм. – Кроме того, молодая дама – большой оригинал. Учится рисовать в Челси и все такое.

– Аморально! – Сержант даже потряс головой. – Плохой выбор это рисование, сэр. Попомните мои слова. Я сам из Баттерси и знаю кое-что о подобных людях. Никакого понимания – что правильно, а что ошибочно. Это вот мой опыт.

– Разумеется, – сказал инспектор, игнорируя эти ремарки, – есть шанс, что она видела или слышала что-нибудь, когда шла через участок. Но если убийство произошло около десяти, то... ну, ты понимаешь, появившись тут между тремя и четырьмя часами, мало что можно сказать по сути дела. И все же ты прав, мы послушаем и эту юную мисс.

Кост сидел перед домиком, вытянув ноги и закинув руки за голову; он разглядывал небо, окрашенное нежной апрельской бирюзой. Котенок играл со шнурками его не завязанных ботинок. Тренер не обратил внимания на прибытие полиции, он так и продолжил смотреть вверх.

– Закончили работу на сегодня, мистер Кост? – спросил инспектор.

Тренер добродушно улыбнулся:

– Я никогда не заканчиваю работу в этом месте. Могу я чем-то вам помочь, ага?

– Вы можете сказать нам, что делали в доме примерно в час ночи, – мрачно произнес инспектор, рассматривая собеседника.

Кост вскочил так резко, что стул, на котором он сидел, отлетел к деревянной стене домика и ударился об нее.

– Что вы имеете в виду?! – заорал он. – Вы что, думаете, я замешан в этом убийстве?

– Спокойно, мистер Кост, – произнес инспектор, не повышая голоса. – Я вроде бы не упоминал убийство, если мне не изменяет память. Вы ответите на мой вопрос?

– Я вовсе не желаю отвечать на какие-то вопросы, – проворчал светловолосый тренер, справившись со своими эмоциями. – Ничего не знаю. Ничего не видел. Что до моего пребывания в доме в пятницу вечером или утром в субботу – нет, меня там не было. Вы хотите, чтобы я поклялся в этом, ага?

– Вас там не было? Но предположим, что некто видел вас там. – Инспектор продолжал говорить мягко, но цепкие глаза не отрывались от лица Коста.

– Ничего не видел! – В голосе тренера звучали и негодование, и презрение. – Вы должны посоветовать этому человеку, чтобы он купил хорошие очки. Повторяю: меня там не было.

– А где вы находились?

– Здесь.

– В девять часов?

– Да.

– В десять часов?

– Меня не было тут в десять часов.

– Ага! И где вы находились в десять?

– Я выпил бокал пива, овсяного стаута, в пабе в деревне. Это было примерно в половине десятого. Я закончил с пивом... хорошая штука, ага... и вернулся. Вернулся в четверть одиннадцатого. Слышал какой-то шум в водяном парке, когда я проходил через вон те ворота. Я решил взглянуть. Там был тот человек, который сейчас мертв. Я крикнул ему, чтобы он шел домой, иначе его запрут. Он сказал, что я могу убираться к дьяволу. Я взял его за шею и приволок к воротам, откуда и вытолкал на дорогу. После этого я закрыл ворота. Прислушался. Ни звука. Я думал, что он упал в канаву, ага. Самое место для пьяного мужа, который бьет жену. Я надеялся, что канава уютная и сырая и он так подхватит ревматизм. Потом я отправился обратно в домик и хорошо выспался. После стаута я всегда сплю хорошо. Отличная штука этот стаут.

Сержант, который зафиксировал большую часть рассказа с помощью стенографии, взглянул на инспектора Блоксэма.

– Благодарю вас, мистер Кост, – кивнул тот. – Вы уверены во всех тех временных интервалах, о которых упоминали? Что насчет последнего?

– Ну, я оставил паб примерно без двадцати десять. Я хочу сказать, что без двадцати десять по моим часам, но без десяти десять по их часам. Я сравнил время на тех, что висят над стойкой, с моими, и они расходились на десять минут, а я своим верю.

Привычка часов в подобных заведениях спешить на десять-пятнадцать минут была хорошо известна как инспектору, так и сержанту.

– Ну, у моих часов светящийся циферблат, – продолжил Кост, – и я подумал, что вечер приятный и можно и прогуляться, ага. Я двинулся в другую сторону, к Варлок-Хилл, примерно четверть часа, поскольку, когда глянул на часы, увидел без пяти десять. Потом я вернулся и пошел быстро... можно подсчитать... четверть часа обратно до паба, и от паба до ворот около шести минут обычным шагом, и от ворот до парка, чтобы посмотреть, откуда там шум... И я прихожу к заключению, что в десять-пятнадцать минут одиннадцатого я нашел этого мужика Хобсона. Что и следовало доказать, ага. – И он победно улыбнулся.

– Возможно, что и ага. – Инспектор повернулся, чтобы уходить. – Но не исключено, что и нет, – добавил он сержанту, когда они вернулись в дом. – Зацепило вас что-нибудь в этой его байке?

– Ну, – сержант изобразил могучую работу мысли, – Хобсона мог убить кто-то на дороге и притащить сюда.

– А откуда тогда кровь в пруду в парке? Почему нет крови на дорожке? И к чему, черт подери, все остальные уловки? Почему бы просто не убить его и не оставить на месте? Зачем привязывать к статуе и бросать в пруд? И еще кое-что. Как преступник перетащил тело на такое расстояние? Размышляя над этим, я чувствую себя уставшим и глупым, и меня начинает тошнить. Понятно, что если верить моим предположениям, то мы можем исключить деревенских жителей. Даже если среди них и найдется какой-то подозреваемый, о котором мы пока не знаем, я стану допрашивать его лишь потому, что обязан, а не потому, что верю в его виновность.

– Считаете, что убийство совершил городской тип, сэр?

– Да. А кроме того, некто из этого дома.

– А что насчет Коста? Он иностранец, вы знаете.

– Да, – сказал инспектор, не обращая внимания на распространенное английское мнение, будто все иностранцы либо безумцы, либо преступники, либо то и другое, – но мотив?

– Ну следует ли вообще заморачиваться с этим мотивом, мистер Блоксэм? – воскликнул сержант. – Вы же видите, сэр, все идет к тому, что мы не нашли никого с мотивом, кроме той несчастной дамочки в деревне, бедной женщины. И, как вы сами сказали, у нее не хватило бы ни мозгов, ни пороку. – Он сделал паузу, поскольку новая идея поразила его: – Может, кто-нибудь ей помог! Все дело, сэр, намного легче для двоих, чем для одного.

Инспектор Блоксэм кивнул:

– Эту мысль я сам обдумываю уже несколько часов. Мы снова отправимся к миссис Хобсон, когда я закончу тут. И тот молодой Энтони особенно меня не впечатлил. А также остается факт, что это его дом и он должен знать Хобсона лучше, чем другие.

– Грязные дела между ним и миссис Хобсон, – заметил сержант. – Ну, прежде она выглядела не так плохо, я бы сказал. И более странные вещи случались и будут случаться, пока человеческая природа останется такой же, какова она сейчас, сэр.

Эта философская ремарка прозвучала в тот момент, когда они прошли через калитку парка и начали подниматься к дому.

– Итак, инспектор, – поинтересовалась встретившая их мисс Кэддик, – вы уже арестовали преступника? Я так надеюсь, что вскоре мы сможем вздохнуть спокойно, избавиться от неуверенности и страха. Должна заявить, что не лягу в кровать сегодня вечером. Я все больше и больше нервничаю по мере того, как время идет.

– Ничего, мисс Кэддик, – отозвался инспектор, – уверен, вы скоро успокоитесь. Единственная подозреваемая на данный момент – миссис Хобсон, но мы думаем, что расследуем преступление быстро. Могу я поговорить с мисс Амарис Кауз?

– Но инспектор! – Мисс Кэддик всплеснула руками, изображая ужас и непонимание. – Она ничего не знает об этом чудовищном происшествии! Мисс Кауз приехала сюда около четырех часов утра! Ночным поездом! Разве современные молодые женщины не удивительны?

– Разумеется, – ответил инспектор, следуя за ней в столовую и усаживаясь в кресло.

Амарис Кауз, видимо, оторвали от огородных дел: на ней были бриджи, краги, огромные бесформенные перчатки, даже скорее рукавицы, у которых имелось отделение для большого пальца и нечто вроде мешка для остальных; очень грязные ботинки, взятые взаймы у Клайва Браун-Дженкинса, поскольку ее брат носил размер меньше, чем она, а также плащ, пропахший собаками, который использовал на псарне Тимон Энтони.

Амарис Кауз присела на край стула и внимательно посмотрела на инспектора.

– Да, я действительно приехала ночным поездом. Он прибыл в Макит-Лонгер около трех часов, – сказала она. – Смотритель на станции наверняка помнит меня. Он заявил, что я еду зайцем и должна заплатить за билет.

– И... что вы ответили?

– Ничего. Я никогда не трачу слов зря. Я оттолкнула его с дороги и отправилась сюда.

– Ясно.

– Я обязана донести, любезный, о нарушении субординации с вашей стороны, – добавила Амарис, мрачно разглядывая сержанта. – Вы ухмыляетесь в адрес вышестоящего офицера.

– И вы не знаете... вы не имели знакомства с вышеупомянутым Хобсоном до того, как приехать сюда? – поинтересовался инспектор.

Амарис Кауз рассмеялась:

– Полагаю, вы именно о таких вещах и должны людей расспрашивать. Это может быть скучно – пробовать раз за разом. Нет, я не знала ничего об этом человеке до того момента, пока не услышала о его смерти. Мои хобби – рисование и огород, день моего рождения в сентябре, а мой любимый цвет – томатно-красный. Я родилась в тот год, когда Тингамми выиграл

скачки в Дерби. Тогда было много лошадей в яблоках, ну, вы помните. И меня где только не публиковали, в том числе в Британской энциклопедии. А ночь я провела в спортивном зале.

Джозеф Херринг почесал подбородок и пересчитал кроликов.

– Здесь два белых ангорских и два набора фламандских гигантов, по три в клетке, – сказал он сам себе, морща свою обезьянью физиономию и шурясь, чтобы лучше видеть через проволочную сетку. – Но только два бельгийских зайца. И что с этим делать?

Херринг открыл клетку и вытащил животных. Никаких сомнений быть не могло. Только два. Джо обратился к ним мягким тоном, пока кролики с опаской обнюхивали траву около его ног:

– И теперь чего бы вам не рассказать мне, что, в натуре, случилось с вашим братцем, черт вас побери! Он что, смог прогрызть себе дорогу на свободу из этой дурацкой клетки? Чего за фигня творится? И что мне с вами делать... о, проклятье! Сюда тащится эта старая кошелка!

Кресло, на сей раз приводимое в движение мисс Кэддик, а также сопровождаемое Селией Браун-Дженкинс в канареечного цвета платье и Присциллой Йеомонд в зеленом, медленно катилось по дорожке огорода. Раскидистые кусты крыжовника скрывали подозрительную активность Джо от постороннего взгляда, так что к моменту, когда миссис Паддикет появилась около клеток, на земле оставался только один бельгийский заяц. Другой, в большой запасной клетке, покрытой чистым мешком, наверное, гадал, что с ним случилось.

Кролики были одним из главных развлечений миссис Паддикет, и Джо как главный специалист по этим животным имел особый статус в поместье. Нанимательница воспринимала его со смесью мрачной подозрительности и вынужденного уважения. Интуиция подсказывала ей, что его привязанность к кроликам намного меньше, чем у нее. Зато в знании их потребностей и привычек – тут она не могла спорить – Джо несомненно превосходил всех вокруг.

Старая леди наклонилась вперед и воскликнула:

– Любезный!

– Да, мадам?

– Предъяви животных.

– Хорошо, мадам.

– Этот фламандский гигант что-то уж совсем исхудал.

Джо, немедленно признавший украденную собственность, изобразил добросердечную улыбку:

– А он скучает по вам, мадам. Ну и типа чахнет.

– Объяснись! – Судя по виду миссис Паддикет, она была довольна.

– Все таким образом, мадам. С того момента, как вы стали находить удовольствие в возне с тем парком с противоположной стороны дома, все выглядит так, что этот кролик знает, что вы о нем больше не думаете. Похоже, даже еда не идет ему впрок. Но я бы сказал, что он будет как огурчик очень скоро.

Миссис Паддикет погладила серовато-голубые уши животного, а затем вернула его в крупные руки Джо.

– Теперь ангорцев, любезный, – велела она.

Джо, ощутивший себя на безопасной территории, достал их из клетки, однако животные были нервными и беспокойными, и хозяйка быстро вернула их обратно.

– И теперь, – произнесла старая леди с предвкушением, – моих любимых маленьких бельгийцев.

Проныра сдержанно кашлянул и выдал одного кролика.

– Прошу прощения, мадам, – произнес он, – но я воспользовался моментом с остальными двумя, увидев, что они как раз собирались... – И он многозначительно дернул головой в сторону покрытой клетки и подмигнул.

– Достаточно, любезный. Удержись от неделикатности. Все и так ясно без слов. Хорошо сделанная работа.

Кресло покатило дальше и исчезло из виду. Проныра вынул платок и вытер лицо. Удалив мешок с большой запасной клетки, он аккуратно вернул к родичу одинокого бельгийского зайца.

– И где, к чертям собачьим, твой братец, чтобы ему провалиться, да и мне тоже? – проговорил Джо, обращаясь к кроликам. – Похоже на то, что мне придется добыть другого. Только это будет сестричка, если я хочу, чтобы старая кошелка меня не поймала.

Он снова повернулся к клеткам и занялся важной гигиенической работой. В этот момент со стороны кухни, преследуемый громогласными проклятиями кухарки, явился Тимон Энтони, жующий пирог, такой большой, что он едва удерживал его в руках. Сопровождал Энтони Ричард Кауз.

– Привет, Джо! – произнес Энтони, когда они оказались рядом. – Старая леди была тут утром?

– Это может казаться смешным, сэр, но она была.

– Почему смешным? Я думал, миссис Паддикет часто является сюда, чтобы поглядеть на кроликов и убедиться, что ты не спер одного на воскресное жаркое.

– Мистер Энтони, – в голосе Джо зазвучала печаль, – она приходит сюда очень часто, чтобы посмотреть на них. Но вот что я заметил, сэр, – она всегда выбирает не самое удачное время.

– В смысле?

– В том смысле, сэр, что я только что потерпел очередную неудачу с этими самыми кроликами. Я прямо весь извелся, пытаюсь сообразить, что ей сказать, поскольку, если она учует, что здесь не все в порядке, меня выгонят пинком за ворота без малейших сомнений. Это жестоко: честному рабочему человеку приходится лгать для того, чтобы держаться на поверхности и зарабатывать себе на хлеб.

– А что произошло сегодня?

Энтони засунул корку от пирога в рот, оперся о ствол яблони и приготовился слушать длинное печальное повествование.

– Ну, кто-то тиснул одного из бельгийцев.

– Что, снова?

– Что вы имеете в виду под словом «снова»?

– Думал, что ты потерял одного несколько дней назад. В самый день убийства, не так ли?

– А, там был не бельгиец, тогда исчез фламандский гигант. Они вообще не похожи. Совсем. Сами посмотрите.

Тимон с торжественным видом произвел осмотр, как и Ричард.

– И теперь ты лишился одного кролика, – сказал он. – Когда он исчез?

– Ну, – Джо потер ладони друг о друга, стряхивая с них солому, – знай я это, я бы мог догадаться, кто все устроил. Но одну вещь я знаю совершенно точно. Что все это... воровское дело не происходило до того, как старая леди не начала эту безумную затею.

– Что?

– Ну, сэр, вы должны понимать лучше, чем любой другой, должен заметить. Как это можно назвать, если не безумием, все эти спортивные развлечения?

– А, это!

– Да, сэр. Знаете, что я думаю? Я верю, что Косту известно о моем кролике. Полагаю, он сожрал его.

– Да ладно! – Энтони рассмеялся. – Ты не сможешь этого доказать, Джо. Кроме того, этот парень – вегетарианец. А если ты не можешь что-либо доказать, то лучше об этом и не говорить. Кстати, бабушка не заметила, что одного не хватает?

– Нет, сэр. Мне в башку пришел удачный способ выкрутиться, и я им воспользовался. Если повезет, то сегодня она меня не побеспокоит. А вот если начнет задавать кучу вопросов завтра, то мне вряд ли удастся повторить свой трюк, так что я должен как можно быстрее заменить его ей.

– Его – ей?

– Самкой, сэр.

– А.

– Да. И сегодня ночью эта работа должна быть выполнена.

– Куда ты отправишься? В Макит-Лонгер?

– Вероятно. Или могу ускользнуть по-тихому в Лондон.

– Я бы отправился в Лондон, так безопаснее.

– У меня есть то, что я заработал на хорьках. Больше, чем надо.

– Так, смотри сюда, – вмешался Ричард Кауз. – Десять шиллингов. Все, что при мне. Бери.

– Если бы бабушка не держала меня на таком коротком поводке, то пусть меня повесят, если бы я сегодня вечером не отправился в городок сам и не огляделся бы там. Просто умираю от скуки, ничего здесь не делаю, – вздохнул Энтони. – Даже поиск улик против убийцы Хобсона – не такое уж хорошее развлечение.

И он побрел прочь, двигаясь по следам кресла миссис Паддикет. Проныра задумчиво посмотрел ему в спину, а затем потер нос тыльной стороной ладони. Ричард развернулся и зашагал обратно в дом.

Во время своего инспекционного обхода Тимон встретился с Амарис Кауз. Установив мольберт рядом с кабинкой для переодевания, она рисовала ивы на противоположном берегу пруда. Энтони стоял и наблюдал за ней, а потом неожиданно сказал:

– Джо потерял другого кролика.

Амарис, у которой одна кисть была между зубов, а другой она активно работала, молча кивнула. Энтони не смутил ее сосредоточенный вид, и он продолжил развивать тему:

– Забавно, правда?

Амарис положила кисть и убрала ту, что держала между зубами.

– Объясни, – попросила она.

Тимон объяснил, а когда он закончил, она снова кивнула.

– Хотел бы я знать, прав ли он, – пробормотал Энтони.

– Насчет Коста?

– Да.

– Нет.

– Что?

– Кост – вегетарианец, – сообщила Амарис.

– Откуда ты знаешь?

– Тетушка мне сказала. Это единственное, что принципиально отличало его от прочих тренеров, обращавшихся к ней за работой. Мисс Кэддик и выбрала Коста из-за этой его особенности.

– Боже мой! – с восхищением воскликнул Тимон. – Ну и ловка же ты!

– В чем?

– В том, чтобы завоевывать людские сердца.

– Тетушка доверяет мне лишь в мелочах, если это то, что ты имеешь в виду.

– Только в мелочах?

– Да. Она до сих пор мне не сказала, кто убил того бедолагу.

– Хобсона?

– А разве еще кого-то здесь убивали?

– Но ты думаешь, что ей известно, кто это сделал?

– Конечно. В любом случае тетушка очень обеспокоена тем, чтобы никто больше не узнал.

– Ей не нравился Хобсон.

– Да. Жалость нужно убирать, когда дело доходит до гнусной змеюки вроде этой. Они арестуют жену Хобсона, как мне кажется.

– Жену? Почему?

– У нее был мотив.

– Важная штука, разумеется, этот мотив. У нее наверняка он есть, и какой нужно. Говорят, что Хобсон испортил жене не один год жизни.

– Бедная женщина.

– Да уж.

От дома донесся пронзительный свист, повторенный три раза, – знак того, что наступило время ленча. Амарис собрала рисовальные принадлежности, а Тимон взял остальные ее вещи, чтобы помочь донести до дома. Но на полпути он внезапно остановился.

– Ослабел от голода? – усмехнулась она.

– Нет.

– А что тогда?

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

– Почему вдруг?

– Ну, я не знаю. Чувствую, что ты меня взбадриваешь.

Амарис зашагала дальше, а Тимон, подождав немного, последовал за ней. Когда они добрались до спортивных площадок и двинулись через них, Амарис произнесла:

– У меня не будет времени.

– Времени?

– Чтобы взбадривать тебя. У меня есть карьера, понимаешь. Я рисую.

– Да.

– Нет.

– Что?

– Нет, у меня не будет времени – вот что я имею в виду.

– Я бы стал работой всей жизни, – самоуверенно заявил он.

Амарис равнодушно осмотрела его и медленно покачала головой.

– Нет, я бы так никогда не подумала, – мягко сказала она.

Споткнулась Амарис в тот момент, когда договорила фразу до конца, и нагнулась, чтобы поднять предмет, угодивший ей под ногу. Это было копьё. Она подняла предназначенный для метания снаряд и покачала им в шутливо-воинственной манере.

– Я хочу сказать, что ты напоминаешь мне ту богиню! – восхищенно воскликнул Энтони. – Как там ее имя? Ты понимаешь, о ком я!

– Артемида, – ответила сестра Ричарда Кауза, амазонка до глубины души. – Только ты ошибаешься. Мои бедра слишком широки. И я не выгляжу так, что готова «преследовать и стрелять». Не вздумай это отрицать! Я больше похожа на одну из картин Огастеса Джона<sup>10</sup>, чем на любое изображение Артемиды, которое ты мог видеть.

Она осторожно взвесила копьё в руке: древко удобно лежало в ее изящной, красивой, испачканной в краске ладони. В следующий момент пальцы сжались вокруг древка и металлический наконечник ярко блеснул под апрельским солнцем.

---

<sup>10</sup> Английский художник-постимпрессионист.

– О! – воскликнула Амарис, отправляя длинный, прямой, тонкий, хорошо сбалансированный снаряд в полет. Тот описал мягкую и красивую траекторию и уверенно вонзился в землю, словно упавшая на жертву хищная птица.

– Ну вот, а мне хотелось бы знать – была ли на нем кровь! – крикнул Энтони, устремляясь вперед.

Он ухватился за длинное белое древко и выдернул копьё из газона, после чего принялся лихорадочно отчищать землю с металла.

– Трудно понять, – сообщил он. – Лучше унесу его обратно в спортивный зал. Уже было достаточно вреда от всяких дурацких вещей.

– Да, я слышала об этом. Я не буду тебя ждать. Увидимся на ленче. Я тогда сама понесу вещи, если ты займешься копьём.

Амарис зашагала по направлению к парку, принадлежности для рисования она повесила на плечо, и это придало ей сходство с Белым Рыцарем.

– Посмотри, может, ты найдешь и веревку из спортзала, которую забрали убийцы! – прокричала она.

Тимон Энтони, чувствуя себя одинокой и потерянной Алисой, зашагал дальше, у него не хватило силы духа, чтобы ответить что-нибудь. Когда он набрался смелости и оглянулся, Амарис уже исчезла.

## Глава 8. Раздражение леди, достигшей возраста, когда она знает все лучше других

– Итак, – сказал инспектор Блоксэм, усаживаясь на большую газонокосилку, стоявшую на западном краю спортивной площадки, – я не говорю, что мы двигаемся вперед, если быть точным. Но, по меньшей мере, и не двигаемся назад. И я точно уверен, приятель, что кто-то из обитающих тут людей убил Джекоба Хобсона. Полагаю, в нашем расследовании мы сейчас на половине пути. Мне удалось выслушать семь историй о том, что люди делали и почему в ночь убийства, и я услышу еще семь. На данный момент я допросил молодого Браун-Дженкинса, мисс Йеомонд, миссис Хобсон, всех мистеров Йеомондов, мистера Энтони – крайне подозрительная птица этот тип, я бы сказал, – Коста-тренера и мисс Кауз. Последнюю придется навещать еще раз. Умна, как целая тележка с обезьянами. – Он сунул руки в карманы брюк.

– Мистер Блоксэм, – произнес сержант, – такие крупные щекастые дамочки редко бывают сильными, когда доходит до ума. Типа страстная и возбудимая под мирной вроде бы поверхностью, если вы хотите знать мое мнение, инспектор, но не так уж умна, нет.

– Приятель, – инспектор окинул своего оруженосца внимательным взглядом, – подобные речи не доведут тебя до добра. Прими мой совет и проводи вечера дома. Помогай своей миссис пряхать шерсть. Это успокоит твои нервы.

Яркая краска залила суровую, но искреннюю физиономию сержанта, и он поспешно сменил тему.

– А вы думали еще о том деле с креслом, что случилось в ночь с пятницы на субботу, мистер Блоксэм? – спросил он.

– Дело с креслом?

– О чем рассказали два независимых свидетеля – мисс Йеомонд и мистер Дженкинс?

– Вопрос в том, были ли они независимыми свидетелями. У меня есть подозрения относительно мистера Браун-Дженкинса. Я никак не могу понять, насколько много врет этот молодой человек.

– Врет, сэр?

– Чемпион-велосипедист, сержант. Есть несколько категорий продвинутых спецов в почтенном университете врунов. Гольфисты и рыбаки котируются весьма высоко, что касается их спортивных достижений, а вот чемпионы-велосипедисты лишь приближаются к ним. Там же рядом те ирландские селяне, что расскажут о том, какую огромную лису они только видели, и те, кто никогда не падал, боксируя в легком весе. После этих идут охотники, чья собака всегда обгоняла электрического зайца, и, конечно, в самом конце списка такие простые души, как игроки в водное поло. Они никогда не нарушают правил и сами верят в это чуть ли не всерьез, а в следующий момент уже требуют наказать соперника, которого едва не утопили или не задушили. К счастью, компетентный судья обычно может справиться с юмористами такого сорта.

– Похоже, вы изучили темочку, сэр, – заметил сержант.

Инспектор кивнул.

– Я не всегда был полицейским, сержант, – печально произнес он. – Были времена, когда моим предназначением считались военная академия в Сандхерсте, карьера военного или достойная смерть. Но началась война, и из меня получился солдат иного рода. Фамильные ценности затем поменялись, так что я вышел из армейских рядов целым и невероятно усталым, без денег или образования, о каком можно говорить, и присоединился к силам, которые мы нынче так славно украшаем. А теперь, как ты думаешь, сумеешь ли ты защитить меня от удара зонтиком, если я допрошу старую миссис Паддикет?

– Мне кажется, сэр, – проговорил сержант, и они пошли по беговой дорожке навстречу креслу тетушки Паддикет, которое только что появилось из калитки и теперь двигалось с при-

личной скоростью, – что вы не так серьезны по поводу этого убийства, как было в Мерридэле пятнадцать месяцев назад.

– Сержант, ты хороший парень, – Блоксхэм взглянул на подчиненного, – и я скажу тебе то, что не буду повторять и не хочу, чтобы ты повторял это кому-либо другому. Я исполняю свой долг в определенной степени в этом расследовании, но сердце мое к нему не лежит. Я знаю, что полицейским не платят за то, чтобы они были сентиментальными, но меня ужасно расстраивает, что с моей помощью некая вполне достойная и гуманная персона будет осуждена за то, что бросила камнем в это грязное животное Хобсона. Имейся у меня достаточно отваги, я бы отказался от дела, по меньшей мере, если бы одолел свое неутолимое любопытство. Но я хочу знать, кто это совершил... и пока не знаю. Как только выясню, долг повелит мне передать информацию и арестовать преступника, так что, понимаешь...

Кресло покатилося быстрее, и сидевший в нем человек оказался достаточно близко, чтобы слышать их беседу. Инспектор замолчал на полуслове. Миссис Паддикет, наклонившая голову вперед так, что стала напоминать зловещую черепаху, приветствовала полицейских с мягкой насмешкой:

– Ну и ну! Вот и мы, с нашими блокнотами и карандашами! Что мы нашли сегодня?

Инспектор вежливо улыбнулся:

– Мы полагаемся на вас в нашем расследовании, миссис Паддикет. Начать с того...

– Начать с того, слуга! – вскричала старая леди, свирепо оглядываясь на Джо-кроликова, который работал двигателем кресла. – Оставь экипаж и удались на дистанцию, не меньшую чем десять ярдов. Выполняй!

Проньра пожал плечами и направился к газонокосилке, сел на нее и закурил.

– Начать с того, – повторил инспектор, – что мне хотелось бы знать, пришли ли вы к некоему заключению по поводу использования кресла в ночь убийства?

– Я не понимаю вас, инспектор. Вы уверены, что имеете в виду ночь убийства?

– Ну, если быть точным...

Старая миссис Паддикет расхохоталась громко, резко и оскорбительно.

– Если быть точным, – инспектор заговорил громче, поскольку ощутил раздражение, – я имею в виду очень... экстремально ранние часы следующих суток... Примерно час ночи фактически или около того.

– И что с креслом? – осведомилась старая леди. – Переходите к сути!

– Находились вы в своем кресле в час ночи субботы, девятнадцатого апреля?

Миссис Паддикет извлекла из недр экипажа лорнет из черепашьего панциря. Вооружившись им, она сначала изучила инспектора, потом сержанта, а затем снова инспектора. Убедившись, что эти любопытные вариации живых существ хотя и выглядят странно, однако принадлежат к числу существующих млекопитающих, она опустила оптический прибор.

– Могу я спросить, имеет ли полиция некие возражения относительно поведения домохозяйки, обладающей гражданством и правом голоса, налогоплательщицы, решившей предаться физическим упражнениям на собственной земле в ночной час, используя для этого ее собственное кресло, ее собственную достойную одежду и ее собственное время? – с достоинством осведомилась она. – Если так, то скажите это, офицеры, и мы обсудим данную тему при участии адвокатов и в более удобное время.

Миссис Паддикет оглянулась и пронзительным криком призвала Джозефа Херринга. Проньра неохотно затоптал окурки и поднялся, тоже без особой торопливости.

– Слуга! Вези меня в дом, – велела старая леди.

Инспектор смотрел вслед креслу, испытывая смешанные чувства.

– Будь я проклят! – произнес сержант. – Она была там все время!

– Была ли она? – Голубые глаза инспектора сузились. – С этим мы еще должны разобратся, приятель. Ого, снова-здорово. Она возвращается к нам, бог ты мой! Что еще?

Кресло остановилось на том же месте, и Джозеф Херринг ловко воткнул сигарету между губами и прикурил еще до того, как нанимательница повелела ему опять удалиться в сторону газонокосилки.

– Я должна сказать, офицеры, – заявила миссис Паддикет, после чего потыкала кончиком зонтика в отворот штанов сержанта и пробормотала «не отстирается» таким недовольным тоном, словно это была ее одежда, – что особая служба моторных экипажей действует от Макит-Лонгер до ворот данной территории, чтобы доставлять сюда людей, которые имеют желание увидеть место, откуда было удалено тело. Куски камня и пригоршни гравия уже были похищены из водяного парка как сувениры с реального места преступления, а один полный энтузиаста коллекционер зашел так далеко, что попытался отравить пресноводных рыбок, обитающих в пруду, чтобы сохранить одну из них в качестве уникального памятного знака о том, что здесь случилось. И я не скажу более ничего.

Она оглянулась в поисках Проныры. Тот вынул сигарету, аккуратно затушил ее, а окурочок засунул за правое ухо.

– Слуга, – возгласила тетушка Паддикет, наблюдавшая за процедурой. – Ты тут?

– Да, мадам, – отозвался Джозеф, подходя к креслу.

– Удали этот отвратительный отросток.

– Вы же не имеете в виду бычок, мадам?

Старая леди поджала губы и сердито уставилась на него.

– О, как пожелаете, – пробормотал Джо, извлек окурочок из-за правого уха и ловким движением уронил в рукав пиджака, откуда он снова вывалился в ладонь, едва хозяйка отвела взгляд.

– Конечно, – продолжила она, обращаясь к полицейским, – как может беззащитный член общества жаловаться, что два офицера тратят все свое время, утро и день в доме и его окрестностях, в то время как ее собственность расхищают прямо перед их носом! Камни из парка, гравий с дорожек, голавль из пруда... Отвратительно!

Завершив эту содержательную речь, миссис Паддикет внезапно повернулась в кресле и заорала на Джозефа Херринга, чтобы он увез ее в дом.

– Да, – вздохнул инспектор, снова наблюдая за удаляющимся креслом, на сей раз со смесью утомления и радостного изумления в глазах, – вот оно как.

– И она была снаружи в кресле... – начал сержант.

– Которое мчалось со скоростью двадцать миль в час. – Инспектор усмехнулся.

– В час ночи.

– Да. Остается лишь разобраться, сам ли дьявол или кто-либо из его подручных толкал кресло, и мы можем забыть об этой истории, – подытожил инспектор.

Но когда он заговорил вновь, тон его изменился, став более серьезным:

– Я совсем не понимаю ее отношения. А хуже всего, я не чувствую себя вправе запугивать и давить на старую женщину, которой девяносто лет. Какой смысл, хотел бы я знать, в том, чтобы озвучивать нам столь откровенную ложь? Ладно. Не будем думать об этом сейчас. Последуем за ней к дому и попробуем снова поговорить с мисс Браун-Дженкинс. Это она заметила брата, когда он склонялся над пустой кроватью в комнате мисс Йеомонд.

– Вы же не подозреваете юного Дженкинса, сэр?

– Как я говорил ранее, не понимаю, какой части его истории я могу доверять. Пообщавшись опять с его сестрой, я разберусь, что к чему.

Селия Браун-Дженкинс немного добавила к собранной инспектором информации. Они болтали с Присциллой почти до часа ночи, а вскоре Присцилла появилась в спальне с просьбой остаться на ночь, поскольку в ее собственной комнате ей страшно. Селия повторила историю о том, как обнаружила брата в комнате Присциллы в половине второго ночи, и о том, как после этого он скатился по лестнице.

Инспектор постучал карандашом по зубам и попросил о встрече с мисс Кэддик. Та, трепеща от возбуждения, не смогла сообщить ничего, помимо факта, что она сидела, как обычно, в маленькой столовой, занимаясь вязанием, и ушла спать в десять тридцать, опять же, как всегда. Она не слышала ничего до тех пор, пока не проснулась от шума, вызванного падением Клайва Браун-Дженкинса.

– Итак, – сказал инспектор сержанту, когда мисс Кэддик, ошупывая запястья, чтобы убедиться, что на ней пока нет наручников, отправилась на поиски Ричарда Кауза, – сильно мы не продвинулись. Если старая леди будет держаться выдумки насчет того, что это она сидела в кресле ночью, то моя лучшая версия по поводу данного эпизода лопнет.

– Какова же эта версия, сэр? – уважительно поинтересовался сержант.

– Ну, на месте убийцы я бы определенно заполучил это самое кресло в качестве удобного средства транспортировки тела к озеру. Однако, если миссис Паддикет сказала нам правду, то подобную мысль придется выбросить из головы немедленно.

– Но она же не сказала нам правды! – возразил сержант.

– Да, мы верим, что не сказала. Но остается небольшой шанс, что так все и было. Эти старые дамы порой носятся с весьма странными идеями в их седых головах.

– Да. Но если это неправда, – продолжал настаивать сержант, – это означает, что она знает, кто убийца, и пытается прикрыть его, как мы уже говорили ранее.

– Сержант, – произнес Ричард Кауз от двери, – я так не считаю. Тетушке не известно, кто убийца, но она не хочет, чтобы вы, сотрудники полиции, это узнали. Тетушка думает, что, пока убийцу не обнаружили, она будет наслаждаться компанией репортеров, полиции и многочисленных зевак. Она нежится под светом софитов, который обеспечил ей этот случай, и мечтает оставаться там подольше. Так что не спешите, не подгоняйте свои мозговые извилины, я вас умоляю! Не лишайте старую даму удовольствия!

Он вошел в комнату, держа в одной руке большой нарцисс, а в другой – пучок ревеня. Попеременно и весьма деликатно он нюхал первый, а затем откусывал кусок от второго.

– Мистер Кауз, – сказал инспектор, когда Ричард сел, – я хочу, чтобы вы мне подробно рассказали о своих передвижениях в пятницу, восемнадцатого апреля, начиная с половины десятого.

Молодой человек задумался.

– В половине десятого я находился в библиотеке, – сообщил он. – Оставался там до половины одиннадцатого. Затем вернулся в свой домик с книгой, которую начал читать, и просидел там до половины двенадцатого, когда мой товарищ по несчастью, мистер Мальпас Йеомонд, пришел и лег спать. Сразу после полуночи я последовал его примеру. Проснулся чуть позднее шести часов утра в субботу, а еще я просыпался между часом и двумя ночи, а также между четырьмя и пятью.

– Видели вы или слышали что-нибудь, связанное с Хобсоном, когда находились в библиотеке? Ее окна выходят на водяной парк.

– Я слышал голос необразованного человека внизу, но был поглощен чтением и едва обратил на звуки внимание.

– Вы не выходили на террасу, чтобы разобраться в причинах переполоха?

– Да не было никакого переполоха. Пара минут воплей, и голоса больше не было слышно. Ушел ли тот человек или я настолько глубоко погрузился в текст, что перестал его замечать, ответить не могу. А еще, помню, в соседней комнате звучала граммофонная музыка, но заглушила ли она крики, я опять же сказать не в состоянии.

– Что вы читали, мистер Кауз?

– Я перечитывал Моммзена, его рассказ о падении Римской империи. Изумительная вещь, инспектор.

Блоксхэм согласился и, отпустив молодого человека, снова послал за Мальпасом Йеомондом. Того он спросил о часе, на который пришлось возвращение Ричарда Кауза в домик в ночь убийства.

– Я не знаю, – ответил Мальпас. – Он был на месте, когда я сам пришел примерно в одиннадцать двадцать.

– Покидал он домик еще той ночью?

– Я бы так не сказал. Зачем ему?

– Я вам скажу, – произнес инспектор и повел Мальпаса к двери.

Они вышли из главных дверей дома, оказались на террасе и спустились по ступенькам к недостроенному пруду для золотых рыбок, работы над которым прекратились после убийства. Инспектор и сержант откинули брезент, обнажив кровавые пятна на цементном дне бассейна.

– Здесь тело лежало некоторое время, – проговорил Блоксхэм, – и отсюда его требовалось доставить к пруду. Моя идея в том, что доставка была осуществлена с помощью кресла миссис Паддикет, и это кресло было замечено около часа ночи в субботу.

– Если вы спрашиваете меня, был ли Кауз в домике в час ночи, то я могу сразу ответить, что был! Как раз за несколько минут до часа он разбудил меня и сообщил, что ему показалось, будто кто-то стучит в дверь. Он открыл ее и выглянул, но никого не обнаружил, закрыл снова и отправился спать. Вскоре я заснул до рассвета, а когда открыл глаза, то Кауз уже вставал с постели.

Инспектор кивнул, поблагодарил, после чего Мальпас вернулся в дом, а полицейские двинулись в Макит-Лонгер.

– Есть кое-что, что я никак не могу ухватить, – печально сообщил Блоксхэм суперинтенданту в полицейском участке. – Посмотрите сюда, я изобразил все, согласно информации, которую удалось получить от этих людей, и дело выглядит так.

Он передал лист бумаги суперинтенданту, тот взглянул на него, а потом, нахмурившись, нагнулся поближе и проверил количество имен, написанных слева.

– Ты не добрался до того Херринга, как я вижу, – сказал он. – У меня есть жалоба на него, кстати. Он воровал кроликов.

Суперинтендант нашел документ и передал Блоксхэму, и тот изучил его. Вернув письмо, он произнес:

– Если это правда, то она либо исключает Херринга из числа подозреваемых в убийстве, либо подставляет его со всей определенностью. Я не говорил с ним просто потому, что до слуг руки пока не дошли. А руки не дошли, поскольку я не верю, что это совершил слуга. Убежден, что убийство было совершено кем-то, кто стоял на террасе и уронил нечто тяжелое и твердое на голову Хобсона, когда тот орал проклятия из водяного парка. Если вы взглянете на этот план... да, он ужасно груб, но он покажет все, что нужно.

Суперинтендант изучал положенные рядом список и план, пока Блоксхэм излагал свою версию.

– Хобсон стоял тут, где я поставил букву X, – говорил он, – а убийца располагался выше, где У. Хобсон пришел к дому, полный гнева, он был сильно пьян и именно по этой причине промахивался мимо ступенек в темноте. Там было достаточно света в комнатах, которые выходят на террасу. У него сложилось впечатление, что его громкие проклятия были услышаны. Они и были услышаны. Некто вышел на террасу из одной комнаты и... уложил его с помощью камня или чего-то похожего. Три комнаты: гостиная, утренняя столовая и библиотека. В гостиной находились Мальпас, Фрэнсис и Присцилла Йеомонд, а также Селия Браун-Дженкинс. В утренней столовой сидела мисс Кэддик, вероятно, она всегда там отдыхает после обеда и до того момента, когда уходит в спальню. В столовой был Ричард Кауз, а в библиотеке – Клайв Браун-Дженкинс. Ну, первые четверо могут отвечать друг за друга...

– Обеспечить друг другу алиби, – усмехнулся суперинтендант.

– Да. Другие трое были поодиночке, по крайней мере некоторое время, так что виновен ли кто-то из них – вопрос для расследования. Остается мистер Энтони. Список позволяет понять, кто чем занимался в какое время. Конечно, все на основе их собственных показаний, которые я от них получил и скорректировал. Но я бы вернулся к Херрингу и к письму по поводу кроликов. Да, вы же видите, он вполне мог сделать это. Возможность такая имеется. И тогда он использовал всю эту затею с воровством у полковника Дигота как прикрытие.

Суперинтендант положил список поверх плана и принялся читать.

– Миссис Хобсон – очевидный мотив. Нет алиби. Передвижения в ночь убийства не проверены до полуночи, когда она постучала в дверь констебля Коппла в Литтл-Лонгер.

Предположительно, она могла совершить убийство, но не сумела бы транспортировать тело к пруду без помощника. Нет сообщников, по крайней мере, известных. Не умеет плавать, по ее словам.

Мистер Браун-Дженкинс – никакого очевидного мотива, но поведение в ночь убийства весьма подозрительное. Признал после перекрестного допроса, что отвез Энтони на своем велосипеде на станцию Макит-Лонгер. Нет алиби до часа тридцати ночи. Объясняет, что читал в библиотеке до ноля тридцати, но передвижения не фиксируются до часа ночи, когда был обнаружен сестрой в спальне (пустой) мисс Йеомонд. Никакого алиби после часа сорока пяти до восхода солнца. Объяснения действий неубедительны, но вполне мог слышать голос Хобсона, находясь в библиотеке, если действительно там был. Умеет плавать.

Мальпас, Фрэнсис и Гилари Йеомонды – никакого очевидного мотива. Железное алиби до одиннадцати тридцати. Затем у мистера Фрэнсиса и мистера Гилари никакого алиби до восхода, но мистер Мальпас находился в одном домике с мистером Каузом.

Мистер Энтони – никакого очевидного мотива, хотя, вероятно, знал Хобсона и его жену лучше, чем кто-либо еще, за исключением миссис Паддикет и слуг в Лонгере. Подозрительное поведение, кульминация – отказ сообщить, что делал с девяти часов вечера в пятницу.

Мистер Кост – нет мотива, по крайней мере, убедительного, но ходил каждый вечер в деревенский паб, где Хобсон был постоянным посетителем. Там могла возникнуть ссора, однако в данный момент никаких доказательств этой версии нет. Признает, что выпивал в баре в девять тридцать. Говорит, что вернулся домой примерно в десять двадцать (мог совершить убийство в этот промежуток времени, и это соответствует медицинским свидетельствам относительно времени смерти). Рассказывает, что слышал голос Хобсона у калитки водяного парка, и говорит, что вытолкнул того на дорогу. Больше о нем ничего не знает. История перемещений после девяти сорока (девяти пятидесяти по часам паба) совершенно не поддается проверке. Нет алиби на момент убийства и на все время до рассвета. Умеет плавать.

Мисс Кауз – никакого очевидного мотива. Совершенно чужой здесь человек. Приехала на станцию Макит-Лонгер сразу после трех часов ночи и пешком добралась до Лонгера. Прибыла не ранее четырех утра. Умеет плавать.

Миссис Паддикет – нет мотива. Физически не в состоянии:

а) совершить преступление;

б) перенести тело к пруду.

Заявляет, что сидела в кресле, которое с большой скоростью катилось по беговой дорожке в час ночи. Шум колес и время подтверждены (независимо) мисс Йеомонд и мистером Дженкинсом.

Мисс Браун-Дженкинс – нет мотива. Алиби до часу сорока пяти, а затем, предположительно, находилась в комнате с мисс Йеомонд до рассвета. Видела брата, склонившегося над кроватью мисс Йеомонд, в час тридцать. Умеет плавать.

Мисс Йеомонд – нет мотива. Алиби до рассвета (как у соседки, мисс Дженкинс). Слышала подозрительный шум в час ночи. Видела кресло, но было слишком темно, чтобы разглядеть, кто в нем. Умеет плавать.

Мисс Кэддик – никакого очевидного мотива. Нет алиби от завершения обеда до рассвета. Возможность для убийства (находилась в комнате, выходящей на водяной парк, до десяти тридцати, по ее собственному бесспорному утверждению), однако не способна транспортировать тело к пруду без посторонней помощи.

Мистер Кауз – нет мотива. Нет алиби почти до одиннадцати тридцати. Признает, что слышал произведенный Хобсоном в парке шум. Возможность для убийства, но, вероятнее всего, никаких шансов перенести тело к пруду, если только не сделал это сразу после совершения преступления. Худощавого телосложения, а Хобсон был крупным мужчиной. Также это рискованный поступок, поскольку кровь могла запачкать одежду.

НВ. Расследование по поводу одежды всех фигурантов дела произведено при помощи сержанта Роллинса. Ничего подозрительного не обнаружено.

Джозеф Херринг – по имеющейся информации, в ночь убийства был вовлечен в деятельность, связанную с похищением кролика или кроликов. Подозревается, что это могло быть для отвода глаз, но может оказаться и алиби. Нет известного мотива на данный момент, но, вероятно, был знаком с погибшим и его женой. Не умеет плавать.

Суперинтендант поднял голову.

– Много белых пятен, дружище, – серьезно проговорил он. – Почти кто угодно из этих людей мог совершить это. Тебе придется снова допросить их, чтобы добраться до сути... вот хотя бы в следующем порядке.

Он взял лист бумаги и, сверяясь со списком Блоксхэма, записал имена в колонку, после чего передал его инспектору. Тот изучил его и кивнул.

– Если ты далеко не продвинешься, то начни заниматься слугами, – посоветовал суперинтендант. – Мы должны действовать, Блоксхэм, ты же понимаешь. Видел местную газету? Все не так приятно для нас, как было еще три дня назад. Вперед, дружище!

Инспектор направился к двери.

– Кстати, – сказал суперинтендант, когда Блоксхэм повернул дверную ручку, – выясни точно, что именно сделал этот тип Кост! Мне не нравятся эти иностранцы! Постоянно возникают неприятности, когда они болтаются поблизости.

И, снабдив подчиненного этим мудрым изречением, он вернулся к собственным делам, склонившись над бумагами. Но уже в следующий момент вскочил и едва не побежал следом за инспектором.

– Эй, Блоксхэм! – позвал он.

Тот вернулся.

– Этот фокус с плаванием... Миссис Хобсон не умеет плавать, как ты написал. Хороший ход. Должен быть чертовски опытный пловец – ну, кто привязал тело к статуе. Однако почему вся эта волынка с рассветом, когда ты провераешь чье-то алиби?

Блоксхэм усмехнулся.

– Это точно сделали не днем, то есть поместили труп под воду, – пояснил он. – Более того, рано утром, как вы помните, мистер Йеомонд нырнул чуть ли не прямо на него.

– Теперь – эти три Йеомонда, например, и Кост, – продолжил суперинтендант, осененный новой идеей, – чертовски хорошие пловцы. Ведь это Мальпас Йеомонд и Кост вытащили тело из озера, разве не так? И Гилари наверняка умеет плавать. Доказательство у нас есть. А что насчет Фрэнсиса?

– Я полагаю, он умеет плавать, если другие умеют, но это не всегда так.

– Ты понимаешь, Блоксэм, там определенно был сообщник. Ты упомянул, что женщина не могла бы перенести тело без посторонней помощи, но ни мужчина, ни женщина не сумели бы привязать его к статуе и поместить прямо посередине пруда без сообщника. Мой совет – найди сообщника. Он может все нам выложить. Сосредоточься на том, чтобы поймать его.

– Не знал, что вам известна эта песня, – произнес инспектор с невинным видом.

– Песня?

– Шляпы прочь перед Эдгаром Уоллесом, – сказал Блоксэм, быстро удаляясь по коридору. – Кстати, для того, чтобы перевезти труп, там было кресло на колесах. По-моему, старая миссис Паддикет лжет. Я просто в этом уверен.

## Глава 9. Тренер Кост и мисс Кэддик

Несмотря на легкомысленный тон, инспектор был настроен весьма серьезно, когда покинул участок в Макит-Лонгер и двинулся обратно в деревню. Он мог найти какое-то средство передвижения, помимо собственных ног, но ходьба стимулировала мысли, а он как раз хотел подумать.

К тому времени, когда Блоксэм оказался у ворот Лонгера, он настроился на то, чтобы продолжить допросы. Игнорируя перечень, составленный суперинтендантом, инспектор потребовал к себе мисс Кэддик и, едва она переступила порог, задал ей первый вопрос:

– Мисс Кэддик, как часто кресло миссис Паддикет использовали по вечерам?

– Когда вы говорите «по вечерам», инспектор, – пропищала мисс Кэддик, нервные движения которой выдавали состояние ее психики, – что вы имеете в виду?

– После того времени, когда миссис Паддикет обычно отправляется в постель, – отрезал инспектор.

– Ну, за исключением ночи... э... особенной и несчастливой... могу я так сказать или нет?... катастрофической ночи, о которой мы все знаем, кресло использовали по всем признакам... один раз вечером.

– Перед убийством или после?

– Да, перед убийством.

– Когда?

– Так, позвольте вспомнить. Убийство было в пятницу, сегодня вторник, и я сказала мистеру Гилари об этом, и он дал мне слово, что это были не они... не они... что не они сыграли шутку с ним в четверг... или это было в среду? Итак, это была либо среда, либо четверг, поскольку я помню, как я сказала Джозефу Херрингу, какое оно сырое и как я буду волноваться, если дорогая миссис Паддикет простудится, посидев в нем... на нем... э... в нем. Нет, теперь я начинаю думать, что это было в четверг вечером, поскольку помню, что говорила о нем мистеру Гилари на следующий день, а следующий день был утром убийства. Конечно, мы не знали тогда, что это было утро убийства, но, оглядываясь назад, понимаем, что именно за утро это было. Да! Такое сырое! Мы высушили его у огня в кухне. Миссис Макбрай была так любезна. Джозеф тоже. Он сказал, что должен будет оставить свой пост, если дорогая миссис Паддикет подумает, будто он был небрежен. И, конечно, он определенно был небрежным. Крайне небрежным, без сомнения, разве нет, если забыл запереть дверь сарая после того, как туда убрали кресло? Не то чтобы Джозеф безропотно согласился, что забыл запереть дверь сарая после того, как туда убрали кресло! На самом деле он повел себя почти невежливо, когда я рискнула предположить, что так обстояло дело. Но если бы он исполнил свой долг... эту частицу долга так, как наши солдаты исполняли во время войны, то как могло бы кресло оказаться снаружи? Нет, как я говорила мистеру Гилари, а он слушал меня с большим сочувствием... нет, я сказала, не через запертую дверь, если она заперта. Что, инспектор?

– Вы только что сообщили мне очень важную деталь, мисс Кэддик, – отозвался Блоксэм. – Это означает, что кто-то еще, помимо Херринга, имел возможность войти в сарай, где хранится кресло. Если бы Джозеф действительно забыл запереть дверь в четверг, то маловероятно, чтобы он снова забыл об этом в пятницу. Разве не так? А мы знаем, что кресло было на стадионе в ночь с пятницы на субботу.

– Херрингу могли дать взятку, чтобы получить ключи, – произнесла мисс Кэддик приглушенным, экстатическим тоном.

В звуковом кино, которое она видела в Лондоне, показывали подобную ситуацию.

– Не исключено, – кивнул инспектор.

– Или сам Херринг... – продолжила мисс Кэддик, представив другую, еще более волнующую и будоражащую возможность.

– Нет! – неожиданно воскликнул инспектор.

От удивления она едва не подпрыгнула, а когда пришла в себя, он уже исчез.

Блоксхэм нашел Херринга в огороде, где тот рыхлил картофельные грядки.

– Кто вам разрешил давать кому-либо ключ от сарая, где хранится кресло? – грозно спросил инспектор.

Джозеф отвел глаза.

– Меня никто не спрашивал, – раздраженно ответил он, – и я никому ничего не давал.

– Нет? – уточнил Блоксхэм неприятным тоном; подождал несколько секунд, но, поскольку Проныра не пожелал добровольно выдать еще какую-нибудь информацию, он продолжил: – Полагаю, некий умный Али-Баба просто встал у двери и сказал: «Сезам, откройся». И она открылась! А теперь не будь глупцом, Херринг. Кто получил ключ в четверг, семнадцатого апреля, и в пятницу, восемнадцатого апреля?

– Никто ничего не получал, – упрямо ответил Проныра.

– Покажи мне сарай, – велел инспектор.

– Ключ в кухне. Вам придется добыть его самому, инспектор, поскольку там внутри эта каракатица, и она оторвет мне башку, если только я суну ее внутрь в это самое время.

– Ключ! – рявкнул инспектор, бесцеремонно подталкивая его в спину.

Проныра быстро удалился.

– О, два кресла, – сказал инспектор, когда ему наконец удалось заглянуть внутрь сарая. – Одно почти не использовалось, я вижу. А вот этим пользуются постоянно, так? Вытащи его наружу, и давай посмотрим на него. Жаль, что оно не может говорить. – Он выпрямился и посмотрел на Джозефа. – Ну что, ты запоешь уже или нет?

– Не о чем мне петь. – Голос Херринга звучал мрачно. – Я запер сарай в четверг, и я запер сарай в пятницу, и больше мне нечего сказать. Наверняка кто-то сделал восковой отпечаток с ключа, а потом изготовил копию...

– Итак, либо ты сообщишь мне то, что знаешь, либо я зацапаю тебя сейчас как лицо, способствующее укрывательству преступника. Понимаешь, что это означает?

– А. – Джозеф откашлялся с умным видом. – Типа соучастие в убийстве.

– Точно. И ты получишь за это пожизненное заключение. В общем, выкладывай факты, и быстро, не трать мое время.

– Ну, я не знаю, правда. – Джозеф прочистил горло снова и плюнул в поилку для птиц, повешенную мисс Кэддик. – А что насчет мистера Энтони?

Инспектор исчез едва ли не раньше, чем последнее слово вылетело изо рта Проныры. Блоксхэм нашел Энтони в спортивном зале, где тот упражнялся на шведской стенке, но вид у него был мрачный.

– Я хочу, чтобы вы одолжили мне свой ключ от заднего сарая, – небрежно произнес инспектор. – Херринг засунул свой неведомо куда.

– Ключ? – удивился Энтони. – У меня нет такого, что подойдет к сараю. Простите.

Инспектор злобно посмотрел на него.

– Попробуйте снова, – сказал он.

Энтони покачал головой и повторил:

– Простите.

– Итак, если у вас нет ключа, то как вы вытащили кресло из сарая вечером в четверг и вечером в пятницу?

– Я вообще не понимаю, о чем вы говорите, – пожал плечами Энтони.

– Господи! – воскликнул Блоксхэм.

После короткой паузы Энтони спрыгнул со стенки и на этом завершил свои упражнения.

Инспектор же опять отправился к мисс Кэддик.

– Что бы вы сказали, мисс Кэддик, – начал он, – если бы я сообщил вам, что мистер Энтони получил доступ к сараю и вытащил кресло наружу?

Она нервно заморгала.

– Ну, раз уж вы завели об этом речь со мной, инспектор, то я должна заметить, что не удивлена. Не удивлена ни в малейшей степени! Ужасающе недостойный молодой человек во всех отношениях. У меня нет сомнений, что у него в мыслях было сделать так, чтобы дорогая миссис Паддикет умерла от простуды, чтобы он мог унаследовать ее состояние, которое, согласно новому завещанию, он определенно получит, если она умрет раньше, чем кто-либо из ее внучатых племянников станет международным чемпионом.

Инспектор воззрился на нее.

– Повторите это, – тихо попросил он.

Мисс Кэддик с охотой исполнила просьбу.

– Конечно, мое маленькое наследство в безопасности, – добавила она. – У меня есть слово дорогой миссис Паддикет по этому поводу. Так что, надеюсь, инспектор, вы понимаете, что у меня нет мотива для совершения любого преступления.

Блоксхэм внимательно посмотрел на нее.

– А теперь, – сказал он, – что вы делали между девятью и одиннадцатью тридцатью в вечер убийства?

Мисс Кэддик побледнела и замерла с открытым ртом.

– Я же читала, инспектор! – воскликнула она. – Уверяю вас, инспектор, я читала! И отправилась в кровать в половине одиннадцатого...

– После того, как убийство было совершено, – жестко произнес Блоксхэм.

Мисс Кэддик испуганно вскрикнула и закрыла лицо ладонями.

– О, пожалуйста, пожалуйста, инспектор! Как неблагоприятно говорить нечто подобное!

В этот напряженный момент стук в дверь, произведенный вроде бы палкой, но на самом деле кончиком любимого зонтика миссис Паддикет, возвестил о прибытии кресла. Ричард Кауз толкал его.

– Итак, итак, итак! – пропищала старая леди с обычной для себя энергией и дружески похлопала мисс Кэддик зонтиком по плечу. – В пятницу мы развлекаем тренера в малой столовой в десять часов вечера, а во вторник...

Она осеклась, а мисс Кэддик, лишившись чувств, упала на пол.

Инспектор и Ричард Кауз попытались оказать ей мужскую, то есть совершенно неэффективную помощь. Тетушка же Паддикет отпраздновала этот час своей славы, каждые пять секунд восклицая: «Не будь душой, компаньонка Кэддик!» – до тех пор, пока бедная женщина не пришла в себя.

Тогда инспектор оставил сию драматическую сцену, отправил служанку за одной из девушек, а сам пошел искать Коста. Тренер, читавший газету, поднял голову, когда тень Блоксхэма упала на развернутые страницы.

– Насчет той истории, которую вы мне поведали, – произнес инспектор любезно, но глаза его недобро посверкивали. – Почему вы не сообщили, что нанесли визит мисс Кэддик в малой столовой уже после того, как оставили паб? Я знаю, что часть вашего повествования – правда, поскольку я его проверил.

Кост опустил газету и пожал широкими плечами.

– Я расскажу вам, ага, – сказал он, – мне жаль, что вы раскрыли меня как обманщика, но я определенно он и есть. Все произошло таким образом. Я собирался упомянуть об этом визите, но потом сказал сам себе: «Людвиг, ты идиот, ага. Это было слишком близко ко времени убийства, этот твой визит. Все было невинно, и ты оставался совсем недолго... даже не пятнадцать минут, нет, но более десяти, ага. И пока ты находился там, этот Хобсон – полиция

уже разобралась – как раз и был убит. Не было шума, кроме граммофона в соседней комнате, и они еще подпевали, ага. Очень шумно там, да. Только никакого Хобсона. Поверит ли полиция тому, что ты скажешь, Людвиг? Нет, ага».

– Вы не видели труп в парке, когда покидали дом?

– Я не возвращался через парк, ага. Я прошел через дом и кухонный огород. Этим путем я воспользовался. Я боялся, что кто-нибудь меня увидит и донесет обо мне боссу. Рисковать так я не мог.

– Когда вы вытолкнули Хобсона на дорогу?

– Тогда. Немедленно. Он только что прибыл, я думаю. Он был в крайне предосудительном состоянии. Я опасался, что Хобсон своими воплями напугает леди, ага, так что я вытолкнул его за ворота и думал, что он упал в канаву. Затем я вернулся в свой домик.

– Да? – сказал Блоксхэм с каменным выражением лица. – Позвольте мне провести вас по вашей истории еще раз, чтобы посмотреть, не найду ли я в ней каких-либо изъянов.

Кост усмехнулся:

– Я лжец, ага. А кто нет? И я боюсь вашего английского закона, поэтому и соврал. Сейчас я все еще опасаюсь вашего английского закона, поэтому на сей раз я поведал вам правду.

– Действительно, – буркнул инспектор. – Так, теперь пройдемся по вашей истории. Сначала вы отправились в бар. Затем вернулись в дом, где нанесли визит мисс Кэддик. Время – примерно без четверти десять. В десять часов или около того вы оставили ее и вышли через кухню наружу. Столкнулись с Хобсоном и силой вывели его на дорогу. Позднее, то есть практически сразу, он отправился в водяной парк и был убит, ну а вы в это время возвращались в свой домик.

– Так.

– Ага! А когда вы открыли задний сарай своим ключом и вытащили наружу кресло?

– Зачем мне нужно было кресло, ага? – удивился тренер.

– Чтобы отвезти труп Хобсона к озеру.

Кост мягко рассмеялся:

– Расскажите это жителям острова Авалон, который как раз на озере, ага.

– Расскажу, когда отыщу морских лошадок, – буркнул Блоксхэм, после чего развернулся и двинулся обратно в дом.

Кост смотрел ему вслед, а потом снова уткнулся в газету.

Инспектор же вернулся в комнату, где он оставил мисс Кэддик. Ее работодательница, к его большому облегчению, удалилась, и рядом не было никого, кроме Амарис Кауз.

– Итак, мисс Кэддик, – начал Блоксхэм, стараясь говорить любезно, – я не хочу, чтобы вы волновались и нервничали, но обязан задать вам еще несколько вопросов.

Она часто задыхалась, прикрыла глаза и замахала рукой, показывая, чтобы он удалился.

– Не будьте такой раздраженной, – жестко сказала Амарис Кауз. – Инспектор – вполне приятный молодой человек и очень добросердечный. Кроме того, вы же знаете, что вам нечего бояться. Вы же не убивали этого Хобсона?

Мисс Кэддик испустила негромкий стон, но страха или отрицания – понять было невозможно. Амарис ободряюще хлопнула ее по плечу и добавила:

– Говорите же! Поведайте нам правду и не думайте о последствиях!

– Но... но я не могу!

Инспектор решил, что настало время вмешаться.

– Если вы позволите, мисс Кауз, – произнес он. – Не уходите далеко, конечно... если вы считаете, что мисс Кэддик может потребоваться помощь, то... оставайтесь прямо за дверью, если это вас не затруднит.

Мисс Кэддик с печалью посмотрела на уходящую Амарис, а затем повернулась к инспектору.

– Я бы охотно поведала вам истину, инспектор, – заявила она, – но надо принимать в расчет дорогую миссис Паддикет. Я поступаю правильно, но наша дорогая миссис Паддикет имеет склонность быть немного придиричливой и критичной. У нее не было той свободы, которой пользуемся мы, современные люди.

– Миссис Паддикет нет нужды знать о том, что вы расскажете мне, мисс Кэддик, – заметил инспектор. – Вы имеете в виду, что Кост провел ночь с вами? Так ведь?

– Инспектор! – воскликнула мисс Кэддик, заламывая руки. – Нет, не со мной! Как вы могли вообразить что-то столь ужасное?! Я никогда не думала, что полиция читает воскресные газеты и знает их содержание! Но он провел ночь в доме. Я... признаю это.

– Ага! – воскликнул Блоксэм.

Он взглянул ей в лицо, а потом вниз – на чистую страницу своего блокнота.

– Все было так, – начала мисс Кэддик, набравшись храбрости. – Тренер несколько раз доверительно сообщал мне, насколько спартанские условия для атлетов предоставила дорогая миссис Паддикет. Кровати, говорил он, были жесткими. Пища – обильной, но однообразной. Рабочие часы – просто катастрофа. Они отлично подходили для молодых людей, но он считал, что для тренера требуется больше почтения. Конечно, я с сочувствием отнеслась к его словам, хотя это не мое дело – передавать его жалобы дорогой миссис Паддикет. Это вызвало бы у нее один из ее приступов, а они... эти... они просто ужасны. В общем, я ничего не сказала ему, только несколько слов женского утешения, которые могут быть озвучены и приняты как образец сестринского отношения и пример украшения нашего пола. Но утром пятницы... вы знаете, о какой пятнице я говорю?.. роковой пятницы... Кост сказал, что не может больше этого выносить и должен предупредить об отставке немедленно, если для него не будет найдена достойная постель. Бедный малый! Он выглядел таким благородным, и казалось, что у него хватит решимости выполнить эту чудовищную угрозу. Я поняла, что должна помочь ему.

– И что же это была за чудовищная угроза? – спросил Блоксэм.

– Предупреждение об отставке, инспектор. Как неприятно для меня!

– Почему для вас?

– Я пригласила Коста на место тренера. Письмом, разумеется. Миссис Паддикет возложила эту проблему на меня, и просто подумайте, как она разозлится, если выбранный мной человек захочет уйти через какие-то две недели!

– Понимаю.

– Я сказала Косту, что мы встретимся в малой столовой примерно без четверти десять тем вечером, и он должен принести его... все вещи, что ему требуются для сна. Он явился вовремя, но, увы, забыл... свое... облачение. Я рассказала ему о моем плане, и затем он удалился, пройдя через кухню – с любезного позволения миссис Макбрай, – и вернулся в малую столовую уже с вещами.

– Где же он спал?

– Ну, – сказала мисс Кэддик, нервно оглядывая комнату, – только одну кровать можно использовать, и мне пришлось достать... взять достаточно белья для нее, так, чтобы никто не заметил!

– Где эта кровать? – уточнил Блоксэм.

– Ну... – мисс Кэддик содрогнулась, вспоминая собственную отвагу, – это кровать в малой гардеробной комнате, которая прилегает к большой спальне миссис Паддикет. Ведь она никогда не используется, и кровать, пусть и небольшая, исключительно комфортна, поскольку я спала на ней однажды, когда миссис Паддикет подхватила инфлюэнцу. Я предупредила Коста, что ему надо вести себя исключительно тихо, он не должен храпеть и ему придется освободить комнату в половину шестого утра в субботу, и все эти инструкции, я бы сказала, он исполнил точно.

– Ему нужно было пройти через спальню миссис Паддикет, чтобы попасть в эту малую гардеробную комнату? – поинтересовался инспектор.

– Пересечь один из ее углов. Но дорогая миссис Паддикет очень крепко спит.

– Ясно. Теперь, мисс Кэддик, мы пришли к очень важному моменту всего дела. Я хочу, чтобы вы были со мной полностью откровенны, поскольку только в этом случае смогу добраться до истины. А ваше повествование является лишь малой ее частью. Что насчет времени убийства? Для меня все выглядит так, что вы и Кост вполне определенно слышали что-то от Хобсона.

– Мистер Кост рассказал вам, что он вытолкнул того человека за ворота около десяти часов?

– Он упомянул данный факт.

– Когда мы услышали, что Хобсон кричит внизу таким ужасающим образом, мистер Кост сказал мне: «Это опять тот тип. Глупый парень. Я должен пойти и вразумить его». Но я помешала ему сделать это, поскольку я не желала, чтобы он раскрыл кому-то – пусть даже из жителей деревни – собственное присутствие в доме этим вечером. Вы же понимаете мое отношение в данной ситуации, инспектор, я надеюсь?

– Вполне, – кивнул Блоксэм. – Еще один вопрос, и мы закончим. Вспомните, в какое время эти крики прекратились?

– Этого я не могу сказать, инспектор. Видите ли, был такой шум в соседней комнате, граммофон, и пение, и смех, и я так тревожилась, чтобы доставить мистера Коста до кровати безопасным образом, что едва могу вспомнить, прекратились они, когда мы еще находились в малой столовой, или продолжались, когда мы двинулись по ступенькам вверх.

– Понятно. Мисс Кэддик, я думаю, что вы проявили мудрость, рассказав мне все это, и, полагаю, вам не нужно бояться последствий своей откровенности.

Блоксэм собрался уходить, когда его посетила новая мысль.

– Кстати, Кост съел что-нибудь на ужин, прежде чем отправиться спать? – спросил он.

– Он получил обычное питание, которое примерно совпадает с нашим собственным рационом, – с удивлением ответила мисс Кэддик. – Но зачем вам это?

– Просто хотел узнать. А теперь, будьте добры, покажите мне дверь своей спальни, а затем, если это вас не затруднит, я попросил бы, чтобы вы вывели меня наружу и показали окно спальни. Я посмотрю, куда именно оно выходит.

Озадаченная мисс Кэддик выполнила эти просьбы: дверь ее спальни располагалась рядом с той, что вела в опочивальню старой миссис Паддикет, а окно выходило на восточную сторону дома.

Задумчивый, но довольный инспектор вновь отправился к Косту и атаковал его историей мисс Кэддик. Невозмутимый тренер признал, что все, изложенное в ней, правда.

– На данный момент, – сказал Блоксэм, – вы уже создали мне немало проблем. Не следует ничего больше скрывать. Почему бы вам не признать, что вы вышли в водяной парк около часа ночи и бросили камень в то, что вы считали, является окном мисс Кэддик, желая привлечь ее внимание? Также почему бы вам не прояснить ситуацию с теми ночными шутками в доме, например с Браун-Дженкинсом, которого столкнули с лестницы? Почему вы не сказали, что в поисках двери мисс Кэддик потерялись внутри дома и зашли в спальню мисс Йеомонд по ошибке? И видели вы или слышали что-либо в ту ночь, связанное с креслом старой леди?

Кост изумленно уставился на него.

– А почему я должен совершать все эти поступки, ага? – воскликнул он. – Если я впервые за две недели спал на кровати, которую можно назвать кроватью, я должен вскакивать в час ночи и кидать камни в окно моей благодетельницы, этой бескорыстной, гуманной дамы, которая вовсе не красива... нет, но она обладает добрым и большим сердцем, да! Должен я

беспокоить ее камнями и хождением по дому, ага? Спросите себя! Я бы плюнул в лицо тому, кто проявил бы свою неблагодарность подобными деяниями!

Все это тренер проговорил на одном дыхании, причем искренне.

– Теперь слушайте, Кост. Вы солгали мне столько раз, что я не собираюсь верить вам сейчас. Я никому более не скажу, что вы поднимались, одевались и валяли дурака. Я не обвиняю вас в чем-либо еще, это я особенно хочу подчеркнуть... так что сделайте для себя что-то хорошее. Клайв Браун-Дженкинс говорит, что узнал вас! Так что вперед, сейчас. Возможно, вы были голодны и хотели, чтобы мисс Кэддик нашла вам что-нибудь поесть? Примите совет – скажите правду или вы попадете в весьма неприятное место!

Лицо Коста перекосилось от ярости.

– Убирайтесь отсюда, вы, глупый полисмен! – заорал он. – Или я точно перекину вас через мой домик, ага! Что до Браун-Дженкинса, обиженного, ленивого парня, то я сломаю ему шею раньше, чем он сам это сделает, ага! Арестуйте меня за это убийство, если вам хочется, но не смейте оскорблять добрых дам, пусть некрасивых, однако добросердечных, хотя добросердечие не в силах оценить большой вульгарный полицейский, ага! Убирайтесь! Прочь, я говорю!

## Глава 10. Ночное происшествие

Проныра напряженно вглядывался в ночь, которую можно было назвать поэтической – «холодной, но не темной», поскольку ее освещали звезды. Пруд, гладкий и мирный, как бы тянулся прочь в призрачный сумрак, а из зарослей камыша доносились тихие странные звуки; они привлекали внимание и будили воображение одинокого путника на его берегах. Ивы, удивительно красивые днем, почти невидимые под звездами, качали неуклюжими ветвями под внезапным порывом ветра, налетавшего с юго-запада, а потом столь же резко затихали. Водяная крыса плыла через водную гладь, чтобы найти некий тайный проход в Страну чудес.

Когда она исчезла, Проныра, выбивавший давно потухшую трубку, сплюнул наудачу и выбрался из укрытия.

Предзнаменования, судя по всему, были благоприятными, так что Херринг оставил убежище позади одной из ив, за узловатым, древним и жутким стволом которой прятался последнюю четверть часа, и прокрался вдоль берега, перебегая от дерева к дереву. Маневр этот завершился, когда он оказался позади вышки для прыжков в воду на верхнем конце пруда.левой рукой Проныра держал маленький деревянный ящик, внутри которого кто-то возился и скребся. Усевшись на нижнюю ступеньку вышки, Джозеф вытер лоб правым рукавом.

– Боже, – сказал он с чувством, поставил ящик на землю и прошептал: – Как же я все здорово провернул, извлек тебя! Ты не находишь? Я отнесу тебя туда, где тебе будет лучше. Эта вот самая Кэддик, ха-ха! Только как это сделать? Если бы я знал время, это бы вообще отлично помогло. Пока я должен оставить тебя тут. Ничего, посидишь один. До встречи. Веди себя хорошо, пока папочка возвращается домой.

Проныра аккуратно поставил ящик на ступеньку выше той, на которой находился сам. Потом бесшумно двинулся в путь – под прикрытием изгороди, вокруг спортивной площадки в направлении огорода. Когда Проныра проходил мимо домика, в котором спал Гилари Йеомонд, кто-то кашлянул. От страха он замер, поскольку кашель донесся снаружи домика, а не изнутри. Капля холодного пота потекла у него по спине, Проныра вздрогнул.

От домика отделилось черное пятно и приобрело очертания человеческой фигуры. Тихо, словно тень, она двинулась в направлении пруда. Джозеф Херринг пересчитал собственные пальцы семь раз, потом отпрянул от ограды и рванул к калитке огорода, которую оставил открытой два часа назад. Меньше чем через три минуты он пробрался в наружную комнату для мытья посуды, где принялся методично и дотошно отчищать желтоватую глину и темно-коричневую грязь с ботинок. Множество раз за время работы Проныра останавливался, прислушивался, но все было тихо; он различал только шорох бегущей в раковину воды.

Джо закончил с левым ботинком и поставил его на каменный пол, когда у него вдруг возникла идея. Мягко ступая в носках, он прошел туда, где аккуратно стояли ботинки и туфли обитателей дома, ожидая его утреннего внимания, и выбрал пару прогулочных женских туфель. Подняв их, Проныра отнес добычу к раковине, а затем с помощью ножа, сняв как можно больше глины и грязи с подошвы собственного правого ботинка, он аккуратно оштукатурил этими материалами подошвы и каблуки выбранных им туфель. Затем Проныра шагнул к окну с одной из туфель в руке, прижал ее сначала к чистому белому подоконнику, а затем повторил операцию с каменным полом. Стерев все прочие отпечатки, он вернул туфли на прежнее место.

Херринг сладостно улыбнулся и, держа ботинки в руках, пробрался во внутреннюю комнату для мытья посуды, прошел через нее в кухню и по задней лестнице поднялся к себе. Будильник у кровати показывал время: пять минут второго. Вскоре Джозеф накрылся одеялом и уснул сном младенца.

У мисс Кэддик выдался беспокойный вечер. Начать с того, что мисс Селия Браун-Дженкинс, прискорбно независимая леди незрелых лет, но полностью развитого твердого нрава, не появилась за обедом. Поэтому мисс Кэддик, связанная обещанием скрывать не совсем законное местонахождение данной леди, вынуждена была сидеть на долгом и скучном приеме пищи, слушая рассуждения миссис Паддикет по поводу юных девушек, которые убегают по пустыкам или обижаются, заперевшись у себя в комнате. Мисс Кэддик совершенно точно знала, что заблудшая Селия не находится в доме, она тайно удрала из особняка тетушки Паддикет, из его буквально удушающей атмосферы, и погрузилась в блестящую жизнь одного из танцевальных залов Лондона и что она вернется поздно.

Насколько поздно – мисс Кэддик не могла определить.

Клайв также не появился за обедом, но очень удобное предположение тетушки Паддикет, что он отправился покататься на велосипеде днем и потерялся на обратном пути, сделало меньшим душевное напряжение, в котором оказалась бы мисс Кэддик, если бы старая леди попыталась каким-нибудь образом выпытать правду. Клайв, уставший от сельского уединения, ускользнул на велосипеде в Саутгемптон, где играл в бильярд с неким спортсменом по имени Гарри в гнезде порока неподалеку от доков. Естественные склонности Клайва вовсе не тяготели ни к бильярду, ни к гнездам порока, однако он ощущал, что полная смена обстановки и компании благотворно скажется на его нервах. В тот момент, когда тетушка Паддикет впитывала ячменный отвар, который потребляла перед сном, спортсмен Гарри затеял объяснения, что семнадцать шиллингов и десять пенсов – то, что его противнику необходимо заплатить прямо сейчас по решению арбитра, а Клайв в обычной воинственной манере выставил мощную челюсть и отправился туда, где арбитр хранил свои записи. Результат разногласий случился в лучших традициях заведения, так что Клайв очнулся в 22:24 на самой убогой мостовой, какую он когда-либо видел в жизни, с ухом, раздутым до размеров тыквы, и глазом, которым он не мог видеть, в тридцати трех милях плохих дорог между собой и Литтл-Лонгер и без единой мысли, как лучше выбраться отсюда.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.